M 52/109
1864

801-90
10732-7

ОЧЕРКЪ
РЕЛИГІИ
ЯЗЫЧЕСКИХЪ АРМЯНЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. ЭМИНА

МОСКВА
1864

ОЧЕРКЪ

РЕЛИГИИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ АРМЯНЪ

Изъ Приложеній ко Всеобщей Исторіи Степаноса Таронскаго Асох'ика.

ОЧЕРКЪ

РЕЛИГІИ и ВѢРОВАНІЙ

ЯЗЫЧЕСКИХЪ АРМЯНЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. ЭМИНА

МОСКВА
Въ типографіи Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ
1864

Дозволено ценсурою. Москва, 24-го января 1864 года.

СОДЕРЖАНІЕ

мы ея.—4. *Нанé,*—дочь Арамазда: тожественность ея съ «Нана, Нанаіа, Нанеа.»—По Іосифу она—Артемида, по армянскимъ извѣстіямъ она тоже что *Астх'икъ;* ея храмъ.—5. *Баршимніа;* его храмъ; его эпитетъ.—«Баршаминъ» Моисея хоренскаго; «Баршамъ ассирійскій» Ананіи ширакскаго.—Легенда о Вахагнѣ и Баршаминѣ.—Его изображеніе, принесенное изъ Месопотаміи въ Арменію.—Храмъ его.—Объясненіе имени: «Баршаминъ, Баршимніа;»—*Нин* или *Бар*—Геркулесъ, покровитель ассирійскихъ царей. —6. *Тир*—Гермесъ армянскій, «учитель жреческой мудрости, писецъ, scriba, дебир Арамазда, учитель всѣхъ художествъ, внушитель и толкователь сновъ, проводникъ душъ;» онъ тоже что *Небó* или *Небу* ассирійскій.—7. Михр—сынъ Арамазда; храмъ его.—Михр—«Meher, Mithra или Mithras» древнихъ.—Значеніе его имени на парсійскомъ языкѣ. У Армянъ онъ—богъ невидимаго огня.—Его видимыя проявленія: а) *Арег—акн*—символъ *огня мужескаго пола;* в) *Лусин*—символъ *огня женскаго пола.*—Храмъ ихъ.—8. *Вода:* источникъ-братъ—*Ардви-зур:* источникъ живой воды.—9. *Аманор*—покровитель плодовъ и богъ пріютодатель (—ванатур дик').—Храмъ его,—праздникъ его въ мѣсяцѣ *Навасард'ѣ.*—Почему онъ названъ «Ванатур»?—*Нев—руз* Парсовъ; время празднованія праздника Михра у послѣднихъ.—Значеніе слова: «аманор» возстановленное.—10. *Арев*—видимое проявленіе невидимаго свѣта.—Его эпитетъ.—Чему поклонялись въ немъ Армяне?—*Арев—ордик':* сыны Арева.—Мнѣніе объ нихъ Нерсеса Благодатнаго.—11. Ахриманъ не названъ по имени у армянскихъ писателей, хотя онъ и чествовался у языческихъ Армянъ.—*Драконъ*—его символъ; человѣческія жертвы, приносимыя дракону.—*Дэвы*—служители Ахримана.—*Джохк'*—царство Ахримана.—12. *Сандарамéт* или *Сандарапет*—духъ подземнаго царства.

II. *Индійскіе боги* въ армянскомъ пантеонѣ.—Они не названы по имени у Зеноба Глака. Произвольное толкованіе, данное разсказу Зеноба учеными: Авдаломъ, Лассеномъ, К. Риттеромъ и Нейманомъ.—Храмъ этихъ боговъ.

III. *Греческіе боги* въ армянскомъ пантеонѣ; когда они являются?—Изображенія Артемиды, Геракла, Аполлона, Дія олимпійскаго, Аѳины, Гефеста, Афродиты въ Арменіи.—Храмы, по которымъ они были размѣщены.

IV. *Сирійскіе боги* въ армянскомъ пантеонѣ; 1. *Набог*—ассирійскій «Небó или Небу,» сирійскій «Набук».—Набог—Тир армянскій

т. е. Гермесъ, богъ ученія.—2. *Бел;* его эпитеты въ Вавилоніи, въ Сиріи, гдѣ въ немъ видѣли «великаго отца боговъ» и «творца всего сущаго».—3 *Батникахʼ.*—Неопредѣленность его значенія и роли.—4. *Тарат'а* тоже что «Таргата,» «prodigiosa Atargatis» Плинія, «Деркето» Грековъ.—Какъ она изображалась?—Отожествленіе ея съ Астартѣ.—Храмы всѣхъ этихъ четырехъ боговъ.

V. *Дэвы* и вообще *духи низшаго разряда:* 1. *Гушкапарик;* 2 *хамбару*; 3. *пай;* 4. *парик;* что разумѣютъ подъ ними Мхитаристы? неосновательность ихъ толкованій.—5. *Аралез;* значеніе этого слова возстановленное.—Онъ—духъ воздушный.—Какимъ его представляли древніе Армяне?—6. *Кадж*—духъ добраго свойства; обитаетъ въ горахъ.—Армянскіе Аршакиды величаютъ себя «*каджами*».—Въ какомъ значеніи употребляется теперь это слово?

VI. *Дюц-азн'ы*—полубоги.—*Вахагнъ;* легенда о немъ армянскихъ рапсодовъ.—Его эпитетъ.—Онъ причисленъ къ лику боговъ. — Храмъ его.—*Хайкъ*, родоначальникъ Армянъ, въ созвѣздіи *Оріонъ*. —Аршакиды причислены къ лику боговъ въ Арменіи.—*Отечественные боги.*—*Изображенія предковъ* ставились Аршакидами въ храмахъ.—Ими же ставились жертвенники надъ могилами своихъ родственниковъ аршакидскаго происхожденія.

VII. *Священная роща;*—древнѣйшая священная роща въ Армавирѣ.—*Священныя деревья*: а) *соси*—«серебристый тополь».—*Гаданія*, которымъ предавались въ этой рощѣ жрецы.—в) *Барти*— «видъ тополя», которому поклонялись въ Самосатѣ, въ Месопотаміи; въ нихъ входили духи.—*Священная смоковница* въ Индіи, *сосна* во Фригіи и Римѣ, *кипарисъ* въ Финикіи, *тиссовое дерево* въ Скандинавіи, *дубъ*, *ясень*, *сосна*, *букъ* и *орѣховое дерево* у Германскихъ племенъ.

VIII. *Религіозная пляска* вокругъ зажженнаго костра; какъ и при какихъ условіяхъ она совершается теперь?—Огню приписывалась очистительная сила.—*Обряды*, совершаемые вокругъ огня въ Ирландіи и у великорусскихъ и бѣлорусскихъ Славянъ.—Праздникъ *Купалы*.

IX. Храмы языческихъ Армянъ: *Мехьян'ы;* происхожденіе и значеніе этого слова.—Жертвенникъ: *багин;* значеніе этого слова возстановленное.—Гдѣ они воздвигались?—Происхожденіе слова.

X. Священные города, деревни и селенія.

XI. Жрецы: *Курмы;*— жрицы —*кёрмухи;* происхожденіе этого слова необъясненное до сихъ поръ.—Происхожденіе сословія жрецовъ.—Араманіакъ, сынъ Хайка, первый жрецъ.—Анушаванъ—*Сосаневер;* потомки Вахагна; преемственность жречества въ родѣ Вахагна.—Достоинство *Кёрмапета* или «великаго жреца» сначала въ родѣ Хайкидовъ, въ послѣдствіи въ родѣ Аршакидовъ.—Отношеніе жречества къ государю.—Жреческое войско; земли и владѣнія жрецовъ.—Богатство жрецовъ и великихъ жрецовъ въ особенности.—Жречество—хранитель таинственной мудрости.—Школы при храмахъ.—Храмовая Исторія.—Архивы при храмахъ подъ надзоромъ жрецовъ.—Главный архивъ памятниковъ Храмовой Исторіи при храмѣ Арамазда, въ крѣпости Ани.—Гностикъ Бардезанъ въ Арменіи; его сочиненія: а) о Судьбѣ и культѣ идоловъ и в) Исторія армянскихъ царей.—Заключеніе.

На религію языческихъ Армянъ, какъ на ѳеогонію одного изъ древнѣйшихъ народовъ западной Азіи, ученые сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не обратили серьезнаго вниманія. При случаѣ говорили объ отдѣльныхъ божествахъ армянскаго пантеона или даже о нѣкоторыхъ вмѣстѣ, но все это безъ критики, скажу болѣе, безъ яснаго понятія о дѣлѣ, котораго они касались. Западные ученые на этотъ счетъ или ограничивались скудными извѣстіями греческихъ и римскихъ писателей, или же безъ разбора принимали, какъ конечный результатъ, все что по этому интересному предмету выходило изъ-подъ пера венеціанскихъ Мхитаристовъ, не смотря на то что изслѣдованія этихъ почтенныхъ тружениковъ по части вопроса, о которомъ мы намѣрены говорить здѣсь, даютъ читателю о миѳологіи древнихъ Армянъ самое превратное понятіе. Съ одной стороны Мхитаристы не поняли идеи, лежавшей въ основаніи религіи ихъ предковъ, а съ другой не могли или не хотѣли класифицировать божества армянскаго пантеона и показать связь и соотношеніе ихъ съ божествами народовъ западной Азіи. Они ограничивались

только сопоставленіемъ боговъ своего отечества съ божествами древней Греціи. Поверхностность подобнаго взгляда тотчасъ бросается въ глаза; ибо немногіе обломки древней армянской религіи, для насъ уцѣлѣвшіе, указываютъ между прочимъ и на такую эпоху, когда между Греціей и Арменіей не установилось еще никакихъ сношеній. Знакомство съ греческими богами относится къ позднѣйшему періоду армянскаго язычества, какъ будетъ показано ниже. Словомъ, Мхитаристы, отъ которыхъ западные ученые въ правѣ были бы ожидать болѣе удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о религіи армянской, ничего не сказали о ней связнаго и опредѣленнаго. Мало того, они, какъ мы замѣтили, не поняли даже идеи, лежавшей въ армянской ѳеогоніи; ибо изъ нихъ главнѣйшіе, болѣе другихъ заслуживающіе вниманія, а именно отцы: Лука Инчичіанъ * и Арсенъ Багратуни, ** въ до-христіанской Арменіи во что бы то ни стало хотѣли видѣть *моноѳеизмъ* или *поклоненіе единому истинному богу*, завѣщанное, по ихъ мнѣнію, древнимъ ихъ соотечественникамъ Ноемъ и его

* См. его Археологію на арм. яз. Венеція, 1835, Ч. ııı, гл. xx, стр. 148 и далѣе. Въ началѣ этой главы авторъ касается и армянской миѳологіи. Мы уже охарактеризовали немногими словами взглядъ какъ его, такъ и вообще Мхитаристовъ на этотъ предметъ. Въ предлагаемомъ Очеркѣ мы по возможности избѣгали всего того, что̀ могло придать ему характеръ полемическій; въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы написать не краткій этотъ Очеркъ, но цѣлую книгу, ибо мы совершенно расходимся съ ученымъ Инчичіаномъ во взглядѣ на армянскую ѳеогонію не только въ главномъ, т. е. въ идеѣ, но и въ частностяхъ.

** Арсенъ Багратуни—человѣкъ съ громадной ученостью, но къ сожалѣнію не всегда руководствующійся здравой критикой. Мысль о моноѳеизмѣ древнихъ Арманъ онъ проводитъ въ обширной эпической своей Поэмѣ: *Хайкъ*, въ xx пѣсняхъ (Венеція, 1858). Со временемъ мы познакомимъ русскую публику съ содержаніемъ этого искусственнаго Эпоса и вообще съ народной поэзіей Армянъ.

непосредственнымъ потомствомъ, вышедшими изъ ковчега послѣ потопа и поселившимися у подошвы Арарата. Мнѣніе это, основанное на одномъ только предположеніи, не имѣющемъ за собою ни историческихъ данныхъ, ни даже мѣстнаго преданія, есть плодъ наивнаго благочестиваго почтенія, которымъ эти ученые монахи желали окружить своихъ послѣпотопныхъ предковъ: мнѣніе похвальное, но къ сожалѣнію ни на чемъ не основанное. Мы не хотѣли пройдти его молчаніемъ, потому что оно явилось подъ перомъ людей, пользующихся въ ученомъ мірѣ заслуженнымъ уваженіемъ по трудамъ своимъ на поприщѣ критической разработки многихъ вопросовъ, относящихся къ древней армянской письменности.

За тѣмъ замѣтимъ что древнѣйшія народныя сказанія, заимствованныя Моисеемъ хоренскимъ у сирянина Мар-Абаса Катины, жившаго за 150 лѣтъ до Р. Х., и переданныя намъ отцемъ армянской исторіи, переносятъ насъ ко временамъ столпотворенія и Нимврода, представляютъ родоначальника Армянъ—Хайка, выходцемъ изъ Вавилоніи. Съ другой стороны внимательное изученіе древне-армянскаго языка, покрайней мѣрѣ того, который уцѣлѣлъ въ книгахъ и называется классическимъ книжнымъ языкомъ, указываетъ на сродство его съ санскритомъ и въ особенности съ зендомъ или, употребляя общепринятый терминъ, съ индо-европейскими языками. Такимъ образомъ на основаніи народныхъ преданій и языка мы видимъ, что народъ армянскій находится въ непосредственной связи съ одной стороны съ древней Вавилоніей, съ другой—съ зендскими племенами. Тѣ немногія извѣстія о древней армянской религіи, которыя дошли до насъ въ твореніяхъ Агаѳангела, Зеноба Глака, Фауста византійска-

го и Моисея хоренскаго, дѣйствительно указываютъ на эту связь, къ которой привели насъ и наши изслѣдованія. Чтобы не вдаваться въ область безплодныхъ предположеній, каторыя ровно ни къ чему не ведутъ, приступимъ прямо къ дѣлу и посмотримъ—что̀ именно сообщаютъ намъ вышеприведенные писатели о древней армянской религіи. Просимъ читателя смотрѣть на то что будетъ сказано нами объ этомъ вопросѣ, какъ на первую сколько-нибудь полную попытку, какая до сихъ поръ была сдѣлана по этому интересному предмету. Въ ней читатель, смѣемъ думать, найдетъ все что сказано армянскими писателями о древней ихъ религіи. Мы не оставили безъ вниманія также указаній греческихъ и римскихъ историковъ, равно какъ и послѣдніе результаты, до которыхъ дошла европейская наука въ своихъ изысканіяхъ по части исторіи и археологіи древняго Востока и преимущественно западной Азіи.—На этотъ разъ мы беремъ на себя роль простаго докладчика, и только.

I.

Религія древнихъ Армянъ имѣла въ своемъ основаніи *дуализмъ*. Съ такимъ покрайней мѣрѣ характеромъ представляется она въ тѣхъ отрывочныхъ извѣстіяхъ, которыя уцѣлѣли до насъ. Въ нихъ имя верховнаго божества—*Арамазд*'а встрѣчается на каждомъ шагу; и хотя имя его антагониста, *Ахрима̀н*'а, какъ божества армянской миѳологіи, ни гдѣ не является, тѣмъ не менѣе однакоже, Архмнъ, Харамани, какъ называютъ его армянскіе писатели V вѣка, говоря о парсійской религіи (см. *Ех'ише*, Истор. Венеція, 1859, стр. 20—22;—*Езникъ*,

Опровержение ересей, Венеція, 1826, стр. 113—117), не послѣднюю роль игралъ у древнихъ Армянъ. Это мы увидимъ ниже, когда рѣчь зайдетъ о служителяхъ его, *дэвахъ*. Впрочемъ необходимо замѣтить, что и въ древнѣйшихъ зендскихъ религіозныхъ гимнахъ владыка мрака, антагонистъ Ahurô mazdâo, не имѣетъ еще особеннаго имени: онъ называется просто Angro mainyus (—«malus spiritus»), Ахриманъ же—позднѣйшее его названіе (см. Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, bearbeitet von C. Böttger, Leipzig, 1863, p. 172 и слѣд.). Въ Бисутунской и Нахши-рустемской надписяхъ, гдѣ безпрестанно повторяется названіе Ahura mazda, тоже нигдѣ Ахриманъ не названъ по имени *. Отсутствіе имени антагониста Арамазда въ извѣстіяхъ армянскихъ писателей, быть можетъ, слѣдовало бы приписать той же самой причинѣ, по которой умалчивается о немъ въ древнѣйшихъ зендскихъ гимнахъ и въ вышеупомянутыхъ надписяхъ.

Замѣтивъ это, обратимся къ тѣмъ изъ божествъ, имена которыхъ дошли до насъ и которымъ поклонялись древніе Армяне.

При взглядѣ на немногія данныя относительно религіи Армянъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на существованіе *туземной, національной* религіи въ Арменіи періода Хайкидовъ. Это доказывается присутствіемъ чисто-армянскихъ божествъ въ кругу боговъ различнаго происхожденія, встрѣчаемыхъ въ армянскомъ пантеонѣ.

* Въ § IV. 4 колонны Бисутунской Надписи одинъ только разъ приводится эпитетъ Ахримана, а именно: «богъ лжи»—the god of lies.—См. The great Inscription of Darius at Behistun въ переводѣ Henry Rawlinson'а съ парсійской транскрипціей самой надписи.

Такъ какъ здѣсь армянскія божества представляются *второстепенными*, то можемъ смѣло предположить, что *верховные* армянскіе боги были, вѣроятно, въ послѣдствіи вынуждены уступить мѣсто такимъ же богамъ ассирійскихъ и парсійскихъ завоевателей. И потому не смотря на различные разряды божествъ различныхъ происхожденій, которыя чествовались въ Арменіи, первое мѣсто принадлежитъ божествамъ парсійскимъ и ассирійскимъ, за которыми въ исторической послѣдовательности являются уже послѣ боги индійскіе, греческіе и сирійскіе.

Начнемъ съ верховнаго божества, которое въ сонмѣ армянскихъ боговъ занимаетъ главное мѣсто.

1. **Арамаздъ**, Արամազդ, —*Ахура-Мазда*[1] Зендавесты, *Оромазесъ*, *Ормуздъ* или *Ормиздъ* древнихъ западныхъ писателей. Какъ верховное божество, Арамаздъ у Армянъ назывался: «отцемъ всѣхъ боговъ» (Агаѳ. Венеція, 1835, стр. 586). Кромѣ того, постоянными его эпитетами были: «великій и мужественный» (тамъ же, стр. 47, 48, 57, 102), «творецъ неба и земли» (стр. 57), «производитель обилія и плодородія» (тамже стр. 102).

Храмъ его находился въ провинціи Бардцѣр-Хайк'ѣ въ округѣ Дарапх'и въ крѣпости Ани — мѣстѣ погребенія армянскихъ царей-аршакидовъ (Агаѳ. стр. 586; — Моис. хорен. кн. II, гл. 53). Вотъ все, что знаемъ о Арамаздѣ.

1 *Ахура*, санскрит. *Асу-ра*—«существующій, живой»; *мазда* — постоянный эпитетъ главнаго божества зороастрова ученія, значитъ: «sapiens» или, какъ Ев. Бюрнуфъ объясняетъ, «multa sciens». Корень этого слова встрѣчается и въ армянскомъ : и-*маст*, ի-մաստ — «смыслъ, мысль»; отсюда «и-*маст*-утьюн», իմաստութիւն — «мудрость». По этому *Ахура—мазда* можетъ значить: «Существо многовѣдущее».

2. **Анахитъ**, Անահիտ.—Объ этомъ божествѣ армянскаго пантеона западные ученые составили себѣ понятіе неточное въ слѣдствіе поверхностныхъ толкованій, которыя даютъ ему армянскіе ученые. По мнѣнію послѣднихъ, въ божествѣ Анахитъ слѣдуетъ видѣть *Діану* на томъ основаніи, что при обратномъ чтеніи имени *Анахит* они получали *Діана* (почему не *Тихана?*): выдумка дѣтски-остроумная и обличающая совершенное непониманіе значенія этого божества армянской миѳологіи. Ибо свѣдѣнія, сообщаемыя армянскими писателями о Анахитѣ, діаметрально противоположны понятію, которое имѣемъ о Діанѣ, не говоря уже о томъ, что названіе божества римскаго пантеона было совершенно неизвѣстно древнимъ Армянамъ. Ниже мы увидимъ, въ чемъ именно заключается сущность этихъ свѣдѣній; но теперь обратимся къ нетуземнымъ источникамъ и постараемся опредѣлить значеніе и мѣсто, занимаемое этимъ божествомъ въ кругу армянскихъ боговъ.

Выше было замѣчено, что армянскія божества—различныхъ происхожденій. Мы видѣли, что Арамаздъ не что иное какъ арійскій Ахура-мазда; Анахитъ же, какъ божество вавилоно-ассирійскаго происхожденія, есть просто *Бельтисъ* (или Билатъ — «госпожа») Ассирійцевъ и *Милита* Вавилонянъ (см. у Геродота кн. I. 131), которую и тотъ и другой народъ называли то «матерью боговъ», представляя ее женою Нина—ассирійскаго Геркулеса, то — «царицою земель». Послѣдній эпитетъ скорѣе наводитъ насъ на сравненіе ее съ Деметрою или Геметрою Грековъ, нежели съ Діаною или Артемидой. Такою по крайней мѣрѣ представляютъ намъ богиню Анахитъ ассирійскія надписи. Ей поклонялись не только въ

Вавилоніи и Финикіи, но и въ Персіи, гдѣ мы видимъ ее подъ тѣмъ же именемъ *Анахидъ* (она же *Таната*, см. у Hyde'a въ его De relig. vet. Pers. Oxford, 1700, p. 98; — также у Плутарха въ его *Артаксерксѣ*) или *Митры.* Судя по числу храмовъ, въ честь ея воздвигнутыхъ въ Арменіи, должно полагать, что нигдѣ она не чествовалась такъ, какъ въ этой странѣ. О богатствѣ храмовъ этой богини говорятъ писатели не только армянскіе, но и древне-западные. Плиній въ своей Натуральной Исторіи (кн. XXXIII, 24) говоритъ что *первая статуя изъ цѣльнаго золота* была воздвигнута въ Арменіи въ храмѣ богини Анахитъ, которая статуя была взята въ добычу Маркомъ Антоніемъ во время войны съ Парѳянами. По его увѣренію, она пользовалась большимъ уваженіемъ у жителей страны. Страбонъ же говоритъ (Геогр. кн. XI, гл. XIX), что Армяне преимущественно поклонялись Анахитъ; что во многихъ мѣстахъ въ честь ея возвышались храмы, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій находился въ провинціи Акилисине (Екехіац), что при послѣднемъ были не только лица обоего пола, посвятившія себя служенію богинѣ, но и дочери знатнѣйшихъ семействъ, имѣвшія право выходить замужъ не иначе какъ послѣ долговременнаго распутства, которому онѣ предавались въ храмѣ Анахитъ. — Понятіе, которое даютъ намъ древне-западные писатели объ армянской Анахитъ, скорѣе рисуетъ передъ нами «Dea Syria» — «великую богиню сирійскую», нежели божество, которому поклонялись Армяне. Ибо немногія свѣдѣнія, которыя находимъ у писателей послѣдняго народа, представляютъ эту богиню въ совершенно противоположномъ свѣтѣ. Агаѳангелъ изображаетъ ее въ слѣду-

ющихъ выраженіяхъ: «великая царица (и госпожа, *тикин—տիկին*) Анахитъ; слава нашего народа, поддерживающая жизнь его; *мать всякаго цѣломудрія*; благотворительница всего рода человѣческаго, чествуемая царями и преимущественно царемъ греческимъ; рожденіе великаго и мужественнаго Арамазда (стр. 47 — 48); великая Анахитъ, отъ которой получаетъ жизнь и которою живетъ земля армянская» (стр. 57). Эти эпитеты, придаваемые Анахитъ, ясно указываютъ на огромное пространство, раздѣлявшее «*мать всякаго цѣломудрія*» отъ «*великой богини сирійской*». Нѣтъ сомнѣнія, что греческіе и римскіе писатели, имѣвшіе вообще поверхностное понятіе о религіи восточныхъ народовъ, и въ этомъ случаѣ увлеклись скорѣе мнимымъ, нежели существеннымъ сходствомъ Анахитъ съ «сирійской богиней» и не задумались отожествлять ее съ послѣдней. Ибо ни одинъ изъ древнихъ армянскихъ писателей не представляетъ культа Анахитъ въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ видимъ его въ Вавилоніи, Финикіи и Фригіи, гдѣ при звукахъ барабана и флейты изступленныя женщины съ еще болѣе изступленными мущинами предавались омерзительнымъ пляскамъ и совершали чудовищныя мерзости. Еслибъ дѣйствительно что-нибудь подобное сопровождало поклоненіе Анахитъ у языческихъ Армянъ, то христіанскіе писатели этого народа въ религіозной своей ревности не преминулибъ упомянуть о томъ съ цѣлью внушить возможно большее отвращеніе къ вѣрѣ въ ложныхъ боговъ. Но такъ какъ они этого не дѣлаютъ, то мы имѣемъ полное право заключить, что поклоненіе богинѣ Анахитъ въ Арменіи, сопровождавшееся съ торжественной простотой, какая подобала «матери всякаго цѣ-

ломудрія», по мѣрѣ того какъ выходило изъ предѣловъ этой страны и отдалялось отъ нея, болѣе и болѣе получало новый характеръ и наконецъ являлось окруженнымъ тѣми сценами изступленія и сладострастія, при которыхъ совершалось поклоненіе Афродитѣ въ западной Азіи вообще. Даже жертвоприношенія, съ которыми армянскіе цари являлись въ храмъ Анахитъ, указываютъ на чистоту понятія, какую соединяли Армяне съ своей богиней. Агаѳангелъ, жившій въ началѣ IV вѣка по Р. Х. и бывшій секретаремъ царя Тёрдата, описывая мученичество св. Григорія Просвѣтителя, говоритъ, что царь Тёрдатъ прежде нежели подвергнуть послѣдняго пыткамъ, приказалъ ему нести въ даръ на жертвенникъ богини Анахитъ «вѣнки и густыя вѣтви деревъ» (тамъ же, стр. 45—46). Эти «вѣнки и густыя вѣтви» не указываютъ ли на простоту чествованія, которою окружено было въ Арменіи поклоненіе великой Анахитъ? Агаѳангелъ не умолчалъ бы объ оргіяхъ и мерзостяхъ, о которыхъ говоритъ Страбонъ, еслибъ онѣ дѣйствительно происходили при храмѣ богини. Это простое безхитростное указаніе христіанскаго писателя имѣетъ важное въ нашихъ глазахъ значеніе; ибо по немъ можемъ безошибочно дѣлать заключеніе, что армянская Анахитъ, не смотря на одинаковость ея происхожденія съ Бельтисъ Ассирійцевъ, Милиттою Вавилонянъ и съ Митрой или Анаидъ Парсовъ— является съ особеннымъ характеромъ цѣломудренности, который рѣзко отличаетъ ее отъ такихъ же однородныхъ богинь упомянутыхъ народовъ. На этомъ мы и остановимся и не скажемъ даже съ Крейцеромъ, чтобы армянская Анахитъ была прототипомъ прочихъ Анахитъ западной Азіи и чтобы Арменія была колыбелью поклоне-

нія этого божества. Для доказательства подобной мысли нужно было бъ имѣть немного больше данныхъ, нежели сколько мы ихъ имѣемъ; ибо немногихъ словъ Агаѳангела, съ которыми впрочемъ не былъ знакомъ Крейцеръ, и немногихъ сбивчивыхъ свѣдѣній, мимоходомъ набросанныхъ Страбономъ, конечно недостаточно, чтобы можно было сдѣлать положительное заключеніе о мѣстѣ рожденія поклоненія богинѣ Анахитъ, не смотря на чистоту и простоту, которыми оно окружено было въ Арменіи даже въ позднѣйшую эпоху, а именно въ началѣ IV вѣка по Р. Х. Но оставимъ предположенія и снова обратимся къ фактамъ.

Поклоненіе богинѣ Анахитъ въ Арменіи было въ особенности распространено. Тому доказательствомъ служатъ многіе храмы, въ честь ея воздвигнутые въ разныхъ мѣстахъ этой страны.

Главнѣйшій изъ нихъ находился въ деревнѣ Ериза округа Екехіацъ, провинціи Бардцѣр-Хайк'ъ. Храмъ этотъ назывался «великимъ и кореннымъ», *Մեծ և բուն*, и въ немъ преимущественно армянскіе цари поклонялись великой богинѣ (Агаѳ. стр. 45—46, 586—588). Онъ былъ знакомъ Плинію (Nat. Hist. l. V, 20; XXXIII, 24), Страбону (кн. XI, 12), Прокопію (Ист. войн. Римл. съ Перс. кн. I, 17) и другимъ изъ древнихъ.

Второй ея храмъ находился въ городѣ Арташатѣ (Artaxta греческихъ и римскихъ писателей) въ айраратской провинціи (Агаѳ. стр. 580).

Наконецъ третій храмъ былъ въ Аштишатѣ таронскаго округа, туруберанской провинціи. Деревня, или селеніе Аштишатъ находилось на возвышенномъ мѣстѣ недалеко отъ Евфрата за горою Карке насупротивъ Тавра

(Агаѳ. стр. 602—603;—Фаустъ визан. кн. III, гл. XIV, стр. 37—38; кн. V, гл. 25, стр. 218—219). По увѣренію Фауста, Антипатъ назывался «престоломъ Анахитъ», աթոռ Անահտայ (см. тамъ же).

Хотя мы уже и указали на свидѣтельство Плинія о статуѣ богини Анахитъ изъ цѣльнаго золота, однако не лишнимъ считаемъ привести здѣсь изъ него это любопытное мѣсто, которое, какъ увидимъ ниже, находитъ себѣ полное подтвержденіе у армянскихъ писателей: Aurea statua prima omnium nulla inanitate, et antequam ex aere aliqua illo modo fieret, quam vocant holosphyraton, in templo Anaitidis posita dicitur... numine gentibus illis sacratissimo. Direpta est Antonii Parthicis rebus: scitumque narratur dictum unius veteranorum Bononiae, hospitali divi Augusti coena, quum interrogaretur, essetne verum, cum qui primus violasset hoc numen, oculis membrisque captum exspirasse? Respondit enim, tum maxime Augustum de crure ejus caenare, seque illum esse, tutumque sibi censum ex ea rapina».

Эти слова подтверждаются, какъ мы замѣтили, армянскими писателями; ибо послѣдніе, описывая изображеніе богини Анахитъ, придаютъ ему слѣдующіе эпитеты: *оске-тцин*, ոսկեծին—«рожденная, т. е. сдѣланная изъ золота»; *оскі-а-маир*, ոսկիամայր—«золотая мать», т. е. мать-богиня, сдѣланная изъ золота; *оске-хат*, ոսկեհատ—«рѣзанная, т. е. сдѣланная изъ золота» * (Агаѳанг. стр. 602—603). Далѣе тотъ же авторъ ста-

* Ученый Питчитчіанъ въ вышеприведенной XX гл. своей Археол. стр. 179, совершенно произвольно толкуетъ эти эпитеты, что безусловно принимаетъ и г. Дюлорье въ своемъ Recherches sur la Chronalog. armén. ch. II, et note 110, p. 148—149.

тую Анахитъ называетъ: «золотое изображеніе» (стр. 586—588).

Этотъ третій храмъ славился своимъ богатствомъ по всей Арменіи. Агаѳангелъ говоритъ: «онъ обладалъ ог-«ромными сокровищами, былъ наполненъ золотомъ и се-«ребромъ и множествомъ приношеній, сдѣланныхъ вели-«чайшими царями» (тамже). Чтобы имѣть сколько-нибудь приблизительное понятіе объ этихъ приношеніяхъ, вспомнимъ, что Тѣрдатъ по возвращеніи изъ похода, предпринятаго противъ Арташира стахрскаго, послалъ въ этотъ храмъ «бѣлыхъ быковъ, бѣлыхъ козловъ, бѣлыхъ коней, бѣлыхъ муловъ, золотыя и серебреныя убранства (для коней) съ блестящими кистями; шелковыя попоны съ вышитыми узорами, золотые вѣнки; серебреныя умывальницы (для закланія жертвъ), усыпанныя драгоцѣнными каменьями; золото и серебро; великолѣпныя одежды и чудесныя украшенія» (стр. 29—30). Если при этомъ вспомнимъ, что по существовавшему въ древней Арменіи обычаю послѣ счастливаго похода цари обязаны были *пятую часть добычи отдавать въ пользу этого храма*, то намъ легко будетъ составить понятіе о несмѣтномъ его богатствѣ (см. тамъ же, стр. 30).

Рядомъ съ богиней Анахитъ мы видимъ еще двухъ богинь, равнымъ образомъ встрѣчаемыхъ какъ въ Ассиріи, такъ и въ Парсіи; это — **Астх'икъ** и **Нане**, Աստղիկ, Նանէ.

3. Агаѳангелъ, говоря объ *Астх'икъ*, прямо называетъ ее *Афродитою* и тѣмъ положительно опредѣляетъ ея значеніе. И дѣйствительно, если обратимся къ самому имени этого божества, то найдемъ, что слово *Астх'ик*, образовавшееся отъ *астх'*, աստղ —«звѣзда» и ласкательнаго *ик*, իկ, означаетъ просто «звѣздочка»: слово, имѣю-

щее одинаковое происхожденіе съ санскритскимъ *тара*, съ зендскимъ *астар* и *старе* — «звѣзда» и наконецъ съ *тистрія, таштер* Парсовъ и *иштар* Ассиріянъ, подъ которымъ послѣдніе разумѣли *Венеру*. Такимъ образомъ самое имя божества, не смотря на совершенный объ немъ недостатокъ свѣдѣній у армянскихъ писателей, даетъ нѣкоторую возможность опредѣлить его значеніе. Если предположеніе наше относительно тожественности названій: *Астх'ик, Таштер* и *Иштар* имѣетъ основаніе, въ чемъ кажется нельзя сомнѣваться, то мы смѣло можемъ видѣть въ немъ *Венеру*, которой поклонялись не только древніе Парсы какъ источнику чистѣйшаго огня, но и Ассирійцы въ великолѣпныхъ храмахъ, воздвигнутыхъ въ честь ея въ Ниневіи и Арбелѣ. George Rawlinson полагаетъ, что *Иштаръ* и *Нана* различныя названія одной и той же Венеры, которая въ Ассиріи называлась *Нана*, а въ Вавилоніи — *Иштаръ*.

Главный храмъ ея находился въ Аштишатѣ, таронской провинціи, за горою Карке насупротивъ Тавра на берегу рѣки Евфрата, гдѣ цари Великой Арменіи преимущественно любили совершать жертвоприношенія (Агаѳ. стр. 602—603).

Другой храмъ ея стоялъ на вершинѣ горы Пах'атъ въ округѣ Андцавацик'ъ, васпураканской провинціи, вмѣстѣ съ храмомъ Арамазда, какъ повѣствуетъ Моисей хоренскій (Ист. святыхъ дѣвъ, сопутницъ Рипсиме въ Полн. Сочин. стр. 301; — Письмо его къ Сааку Артцруни, тамъ же, стр. 294—295). Изъ словъ Агаѳангела замѣчаемъ, что древніе Армяне смотрѣли на богиню Астх'икъ, какъ на *жену Вахагна*, армянскаго Геркулеса, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

4. Мы уже упомянули о богинѣ **Нане**. Армянскіе писатели называютъ ея «дочерью Арамазда». Вотъ все, что̀ говорится объ ней! Тожество ея съ *Нана*, *Нанаіа* болѣе чѣмъ очевидно. У Евреевъ это имя является подъ формою *Нанеа* (втор. кн. Маккав. гл. I, 13, 15), которое Іосифъ передаетъ черезъ греческое имя: *Артемида* (Antiq. XII, 13), между тѣмъ какъ армянскіе писатели, сколько можно судить по скуднымъ ихъ извѣстіямъ, отожествляютъ ее съ Астх'икъ.

Армяне поклонялись ей въ селеніи Т'илѣ округа Екех'іацъ, провинціи Бардцѐр-Хайк'ъ, недалеко отъ рѣки Гайль (Ликосъ). Изображенія ея Агаѳангелъ характеризуетъ словами: «литыя, изваянныя, изсѣченныя».

Что Анахитъ, Астх'икъ и Нане принадлежатъ къ одной и той же группѣ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; но что онѣ, и въ особенности Анахитъ, въ Арменіи являются съ характеромъ, отличающимъ ихъ отъ такихъ же одноименныхъ божествъ вавилоно-ассирійскихъ, парсійскихъ и сиро-финикійскихъ, это можно было видѣть изъ того, что̀ сказано нами о каждомъ изъ нихъ выше.

5. Къ ряду этихъ боговъ отнесемъ также другое армянское божество, названіе котораго равнымъ образомъ указываетъ на ассирійское его происхожденіе; это—**Баршимніа**, *Բարշիմնիա*. —Храмъ его находился въ деревнѣ Т'орданѣ округа Даранахи, провинціи Бардцѐръ — Хайк'ъ. Историкъ даетъ этому божеству эпитетъ: «спитакап'ар», *սպիտակափառ*, «славный, т. е. блестящій, «бѣлизной» (Агаѳ. стр. 585). У Моисея хоренскаго имя его пишется *Баршаминъ*, *Բարշամին*; Ананія ширакскій называетъ его: *Баршамъ ассирійскій*, *Բարշամ Ասորեստանեայց*. Легенда говоритъ, что армянскій Геркулесъ, Вахагнъ, какъ-то разъ

во время жестокой зимы, укравъ у него солому, несъ ее по небу. Оброненныя дорогою соломенки образовали «Млечный путь», который въ слѣдствіе того, у древнихъ Армянъ и назывался «Слѣдомъ соломокрада», Հետ յարդգողի *. Отецъ армянской Исторіи пишетъ, что изображеніе Баршамина перенесено изъ Месопотаміи въ селеніе Т'орданъ Тиграномъ II, сыномъ Арташеса. Онъ описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: «оно состояло изъ слоновой кости и хрусталя и было обдѣлано серебромъ» (кн. II, гл. XIV). Вѣроятно, по этой самой причинѣ Армяне и дали Баршамину или Баршимніѣ эпитетъ: «блестящій бѣлизной».

Указаніе Моисея хоренскаго и Ананіи ширакскаго не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно происхожденія этого божества, что̀ еще болѣе подтверждается самымъ его названіемъ. Имя *Баршамин* или *Баршимніа* или вѣрнѣе *Баршамнин*, не имѣя въ армянскомъ никакаго значенія, находитъ себѣ толкованіе въ языкѣ ассирійскомъ. Это божество не что иное какъ *Нин* или *Нин-ин*, иначе называемый *Бар* — «богъ войны у Ассирійцевъ». Слово *Нин* объясняютъ через «владыка, господинъ», *ин* же означаетъ просто *имя*. *Бар* имѣетъ тоже значаніе, что̀ и *нин*, т. е. «владыка, господинъ»; а *шем*, или какъ оно является въ армянскихъ названіяхъ этого бога, *шам*, *шим*, тожественно съ *ин* — «имя». И потому *Бар-Шам-Нин* (Бар-шим-ніа) есть не что иное какъ *Нин*, который иначе назывался *Бар-шем*, или *Бар-Шам*. *Нин* или *Бар* чест-

* Jac. Grimm (Deutsche Mythologie, erster Band, Göttingen, 1854, p. 331) невѣрно передаетъ армянское названіе Млечнаго Пути черезъ «palea fur»; ибо «хет іард-гохи», Հետ յարդգողի» значитъ «Слѣдъ соломокрада», какъ мы и перевели.

вовался у Ассирійцевъ, какъ «Геркулесъ, покровитель ассирійскихъ царей». Таковы по крайней мѣрѣ результаты, до которыхъ привели ученыхъ ихъ изслѣдованія ассирійскихъ памятниковъ, недавно открытыхъ.

6. Въ армянскомъ пантеонѣ встрѣчаемъ божество, въ происхожденіи котораго ученые, сколько намъ извѣстно, еще не дали себѣ яснаго отчета; это—**Тир**, **Տիր** *, о которомъ упоминаетъ опять таки Агаѳангелъ въ одномъ только мѣстѣ. Приведемъ здѣсь это мѣсто цѣликомъ, которое впрочемъ, будучи сильно искажено перепищиками, представляетъ немало трудности при переводѣ.—Вотъ оно:..«самъ же царь (Тѣрдатъ) отправился...въ городъ Арташатъ чтобы разрушить жертвенники богини Анахитъ на мѣстѣ, называемомъ *Еразмуйн* **. По дорогѣ (въ Арташатъ) сначала (царь) встрѣтилъ (храмъ) бога Тир'а, гдѣ (божество это) внушало сны, (а жрецы) давали имъ толкованіе: (храмъ) учителя жреческой мудрости, который назывался училищемъ *Писца* (*дебира*) Ормизда и въ которомъ учили всѣмъ художествамъ. Сначала взялись (за тотъ храмъ), который разрушивъ, предали огню» (стр. 580) ***.

* Въ варіантахъ, приложенныхъ къ венеціанскому изданію Агаѳангела (см. стр. 662) вмѣсто *Тюр*, Տիւր, принятаго учеными Мхитаристами и внесеннаго въ текстѣ ими изданный, стоитъ болѣе правильное чтеніе *Тир*, Տիր, которое отвергнуто ими, вѣроятно, по неразумѣнію смысла и значенія этого слова.

** *Еразмуйн*, *երազմոյն*—сложное армянское слово, состоящее изъ: *ераз* — «сонъ, сновидѣніе« и изъ *муйн*, *մոյն*—«врожденное свойство или способность»; и потому *еразмуйн* значитъ: «имѣющій способность толковать сны», а въ примѣненіи къ нашему тексту: «мѣсто, гдѣ умѣли толковать сны».

*** *Ինքն թագաւորն խաղայր երթայ ... յԱրտաշատ քաղաք աւերել անդ զբագինս Անահտական դիցն և որ յԵրազմոյն տեղին անուանեալ*

Изъ этихъ немногихъ строкъ мы выводимъ: 1. что древніе Армяне вмѣстѣ съ прочими своими богами поклонялись также божеству *Тиру*; 2. что Тиръ назывался *учителемъ жреческой мудрости*; 3. что онъ былъ въ тоже время «*Писецъ*, scriba, *Ормизда*; 4. что онъ *учитель всѣхъ художествъ*, *ուսումն ճարտարութեան*; 5. что онъ желающимъ *внушалъ сны* и тѣмъ открывалъ имъ будущее въ свѣтломъ или мрачномъ свѣтѣ и что наконецъ 6. при его храмѣ предлагалось толкованіе какъ снамъ, внушеннымъ этимъ богомъ, такъ и снамъ вообще.—Эти качества достаточно характеризуютъ Тира и даютъ возможность съ одной стороны опредѣлить его собственное значеніе, а съ другой — добраться до его происхожденія.

Тиръ армянскій есть Гермесъ или Меркурій. Подобно божествамъ Тету или Тоту Египтянъ, Тауту Финикіянъ, Гермесу Грековъ и Меркурію Римлянъ—бывшимъ учителями таинственнаго ученія жрецовъ, изобрѣтателями языка, письма и всѣхъ наукъ и искусствъ, проводниками душъ по различнымъ сферамъ неба, земли и ада — и Тиръ армянскій, какъ могъ уже видѣть читатель, является передъ нами со всѣми этими аттрибутами. Онъ также «учитель жреческой мудрости и всѣхъ художествъ, писецъ Ормизда или Арамазда, внушитель сновъ добрыхъ и зловѣщихъ, проводникъ душъ въ подземное царство, подобно Гермесу Психопомпу или Некропомпу *. Въ Арменіи до сихъ поръ

կարդայր․ Նախ գիտելով 'ի Ճանապարհի երազացոյց երազընդհան պաշտաման տիր դից դպրի գիտութեան քրմաց՝ անուանեալ դիւան գրչի Որմզդի ուսման ճարտարութեան մեհեան, նախ 'ի նա արկեալ ձեռն՝ քակեալ այրեալ աւերեալ քանդեցին։ Страшно искажено!

* См. P. F. Stuhr, Die Religions–Systeme der Hellenen, Berlin, 1838, p. 315—316 и далѣе.—Горацій, Ода Меркурію.—Гермеса пред-

въ языкѣ ея жителей уцѣлѣла брань, хотя и потерявшая для нихъ свой первоначальный смыслъ, однако все еще указывающая на свое двадцативѣковое происхожденіе: она стала выраженіемъ недобрыхъ пожеланій на устахъ нынѣшняго Армянина; это—*Գրողն քեզ տանի*, т. е. «пусть возьметъ тебя *гĕрох'*». Послѣднее слово, какъ причастіе настоящаго времени отъ глагола *гĕрем*, *գրեմ*, значитъ: «пишущій, писецъ» и совершенно тожественно и однозначуще съ словомъ: *гĕрич*, *գրիչ*, употребленное Агаѳангеломъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Это — одинъ изъ эпитетовъ, придаваемыхъ древними Армянами Тиру, котораго они считали также «проводникомъ душъ» въ

ставляли богомъ изворотливымъ, художникомъ въ дѣлѣ обмана, ему приписывались разбои, ночное соглядатайство, угоны быковъ и вообще всякія продѣлки. Эти качества его прекрасно изображены въ вышеуказанной Одѣ Горація, которую нелишнимъ считаемъ привести здѣсь цѣликомъ.

Mercuri, facunde nepos Atlantis,
Qui feros cultus hominum recentum
Voce formasti catus, et decorae
        More palaestrae;
Te canam, magni Jovis et deorum
Nuntium, curvaeque lyrae parentem,
Callidum, quidquid placuit, jocoso
        Condere furto.
Te, boves olim nisi reddidisses
Per dolum amotas, puerum minaci
Voce dum terret, viduus pharetra
        Risit Apollo.
Quin et Atridas, duce te, superbos,
Ilio dives Priamus relicto,
Thessalosque ignes et iniqua Trojae
        Castra fefellit.
Tu pias laetis animas reponis
Sedibus, virgaque levem coerces
Aurea turbam, superis deorum
        Gratus et imis.

подземное царство, какъ было сказано выше. Такъ по крайней мѣрѣ я себѣ объясняю это загадочное выраженіе, которое, какъ обломокъ языческихъ понятій, до сихъ поръ безсознательно употребляется Армянами, не подозрѣвающими, что, употребляя его, они говорятъ и мыслятъ какъ до-христіанскіе ихъ соотечественники.

Тиръ былъ ассирійскаго происхожденія. Въ Ассиріи онъ является сыномъ *Небо́*, *Небу*—«бога и покровителя ученія», ассирійскаго Гермеса. Въ Бирс-и-Нимрудѣ въ послѣднее время открыта комната, нѣчто въ родѣ молельни, гдѣ на всѣхъ кирпичахъ отпечатано треугольное изображеніе клина или остроконечной стрѣлы — одной изъ божественныхъ вообще эмблемъ у Ассирійцевъ. Это изображеніе стрѣлы, входившее, какъ извѣстно, въ клинообразное письмо элементомъ существеннымъ и служившее символомъ бога Небо̀, есть именно *Тир*, что̀ съ одной стороны означало «стрѣла», а съ другой—служило названіемъ планетѣ Меркурію у древнихъ Парсовъ. У послѣднихъ, по увѣренію Hyde'a (De Relig. vet. Pers. p. 242) *планета Меркурій* назывался *Тир* * (=стрѣла,

* Имя царя *Тѐрдата*, Տրդատ, представляетъ собой сложное слово, состоящее изъ *Тир* и *дад*: *Тир*—извѣстное уже нашимъ читателямъ божество; *дад* отъ парсійскаго *даден*, что̀ можетъ значить: «дать» и «посвятить». И потому имя *Тир—дад* можетъ быть переведено или черезъ «Даръ Тира», или черезъ «Посвященный Тиру».—Такимъ же образомъ образовалось и имя *Михр—дад*, которое у Тацита является подъ двоякою формою Meherdates и Mithridates (см. Annal. lib. xii, 13, 15), у Геродота — *Митрадатесъ* (кн. i, 110), у Николая же Дамаскина подъ формою *Атрадатесъ*, подъ которой можно узнать предыдущую форму *Митрадатесъ*.—Здѣсь оба эти слова синонимы; ибо если первое изъ нихъ значитъ: «данный, посвященный Митрѣ», т. е. солнцу», то второе, происходя отъ *Атра* или *Адар*—эпитета свѣтила дня (или огня, всегдашней эмблемы его поклоненія), также значитъ: «данный или посвященный Атрѣ или Адару», т. е. эмблемѣ солнца—огню.

по причинѣ быстраго своего вращенія. Въ ассирійскихъ надписяхъ Небо̀ называется «владыкою Борсиппы», гдѣ вѣроятно при его храмѣ находились школы, въ которыхъ воспитывались извѣстные *борсиппскіе халдеи*, упоминаемые Страбономъ (Géorg. Paris, 1805—1819, t. V, l. XVI, § 5, p. 169).

Тир'омъ заключается рядъ боговъ, общихъ Ассиріи и Арменіи.

7. **Михр.** Միհր. На парсійское его происхожденіе указываетъ самое его имя. Агаѳангелъ называетъ его «сыномъ Арамазда», котораго храмъ находился въ деревнѣ Багаринджѣ дерджанскаго округа, провинціи Бадцѣр-Хайк'ъ, и славился своимъ богатствомъ (стр. 586—588). Въ послѣдствіи царь Тигранъ приказалъ поставить здѣсь взятую Арташесомъ I въ добычу и принесенную имъ въ Арменію статую Гефеста, «бога огня» (кн. II, гл. XIV). Имя этого божества, извѣстнаго у Грековъ и Римлянъ подъ названіемъ «Митра» или «Митрасъ», на древне-парсійскомъ языкѣ означало «солнце», что̀ потверждается свидѣтельствомъ зендскихъ книгъ. Михръ былъ богомъ невидимаго огня, что доказывается происшедшимъ отъ этого имени словомъ *хур*, *հուր*, которое до сихъ поръ у Армянъ служитъ выраженіемъ понятія: «невидимый, невещественный огонь»; между тѣмъ какъ видимымъ проявленіемъ Михра были:

а) *Арег-акн*, Արեգ-ակն «око Аре́га»— * видимое солнце, которое Зендавеста равнымъ образомъ называетъ

* Не у однихъ Армянъ солнце назывался «окомъ Аре́га». Замѣтимъ мимоходомъ, что это одно изъ древнѣйшихъ и самыхъ распространенныхъ представленій, которое обыкновенно соединялось съ понятіемъ: *солнце*. Какъ выше было замѣчено, не одни Парсы называли его *«окомъ* Ахура-Мазды»; ибо у Египтянъ оно

«Окомъ Ормузда», «блестящимъ героемъ, мощно протекающимъ свое поприще, оплодотворяющимъ пустыни, возвышеннѣйшимъ изъ Изедовъ, никогда недремлющимъ, покровителемъ страны».—*Арег-аки* служилъ въ тоже время символомъ «огня мужескаго пола».

в) *Лус-ин*, Լուսին * —«Луна» была символомъ «огня женскаго пола», который у Моисея хоренскаго называется «огонь-сестра», հրակ քոյր ** (см. Ист. св. дѣвъ сопутницъ Рипсиме, Полн. Сочин. стр. 301).

Главный храмъ Арег-аки'а и Лусин'а находился въ Армавирѣ, древнѣйшей армянской столицѣ. Изображенія этихъ божествъ были поставлены здѣсь Вах'аршакомъ, родоначальникомъ армянскихъ Аршакидовъ (Моис. хорен. кн. II, гл. VIII).—Другой храмъ, гдѣ поддерживался неугасимый огонь, называвшійся «огнемъ Ормизда», Հուր Որմզդական, находился въ *Баг-аванѣ*, въ нынѣшнемъ *Баку* (М. хорен. кн. II. гл. 75). Наконецъ есть вѣроятіе думать, что храмы этихъ боговъ были и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ округѣ Андцавацик'ъ, васпураканской провинціи,

называлось «*правымъ глазомъ* Деміурга», у Грековъ — «*окомъ* Зевса», у предковъ нынѣшнихъ Германцевъ — «*окомъ* Вуотана», Wuotan. Какъ древне-германскіе сѣверные поэты иногда придавали сольцу эпитетъ 'gimsteinn himins'—*gemma coeli*, такъ точно и Нерсесъ Благодатный (жив. въ XII в.) описывая его, называетъ «блестящимъ карбункуломъ» (см. J. Grimm, Deutsche Mythologie, II Band, p. 665; — Сочин. Нерсеса Благодат. Венеція, 1830, стр. 285, въ Стихотв. «Небо и его украшенія».

* Латинское *luna*, luciana (—отъ lucere) этрусское *losna* имѣютъ вѣроятно общій корень съ армянскимъ *луйс*—«свѣтъ», латин. *lux*, русск. *лучъ*; и потому *лус–ин* должно значить «свѣтящій». Замѣтимъ кстати, что въ ассирійскомъ пантеонѣ встрѣчается божество *Син* (*Лус–син*), означающее «Луна».

** Въ противоположность этому понятію Армянъ о *полѣ* солнца и луны, у древнихъ Германцевъ солнце называлось «*frau Sonne*», а луна—«*herr mond*» (J. Grimm, loco cit. p. 666).

(см. Письмо Моис. хорен. къ Сааку Артцруни, Полн. Сочин. стр. 294—295) и на востокѣ отъ Пах'атской горы на мѣстѣ, называвшемся *Бут'*, Բութ * (Моис. хорен. Ист. св. дѣвъ сопутницъ Рипсиме, Полн. Сочин. стр. 301). Въ этихъ храмахъ на алтаряхъ Михра поддерживался неугасимый огонь, что̀ подтверждается словами Моисея хоренскаго: «ненасытимый огонь», «непрерывное горѣніе», Հուր անշէջ, անդադար այրումն.

8. Наравнѣ съ огнемъ Армяне поклонялись и **Водѣ**, ** которую они называли: «источникъ-братъ», աղբիւր եղբայր. Въ Зендавестѣ въ числѣ двадцати восьми Изедовъ мы встрѣчаемъ *Ардви-зур* — «источникъ небесной воды,» *Дѣву*, дочь Ормузда. Вторая половина имени: Ардви-*зур* имѣетъ общее происхожденіе съ армянскимъ словомъ: *джур*, ջուր—«вода;» и нѣтъ сомнѣнія, что Ар-

* *Бут'* или *Пут'* на парсійскомъ языкѣ значитъ «идолъ, кумиръ». Такъ названо это мѣсто вѣроятно потому, что здѣсь возвышались храмы съ изображеніями кумировъ. Вспомните *Баг*—аван, *Баг*-аран, и пр.

** Замѣтимъ, что у древнихъ Армянъ, (какъ и у Парсовъ, см. у Герод. кн. i, 139) рѣки также имѣли священный характеръ. Между ними въ особенности пользовался уваженіемъ Евфратъ. Это доказывается съ одной стороны священными городами, преимущественно расположенными по его берегамъ, какъ напр. Ани, Т'иль, Ериза, Багаіаринджъ, Аштишатъ; съ другой — свидѣтельствомъ Тацита. Если точенъ разсказъ послѣдняго, то жители береговъ Евфрата вѣрили, что въ предзнаменованіе чего-нибудь хорошаго или счастливаго рѣка эта безъ дождя иногда сильно наполнялась, и что по бѣлой пѣнѣ, которая въ подобномъ случаѣ являлась на ея поверхности, предсказывали счастливый исходъ данному предпріятію.— Изъ словъ Тацита узнаемъ также, что Евфрату приносили въ жертву *кони*.

Кромѣ гаданія по *водѣ*, римскій историкъ увѣряетъ, въ чемъ нельзя усомниться, что Армяне гадали также по предзнаменованіямъ *неба* и *земли*. (Tacit. Annal. vi. 37).

мяне въ «источникѣ-братѣ» поклонялись, какъ древніе Парсы, «источнику небесной воды», т. е. Ардви-зуру. По Моисею хоренскому, поклоненіе «огню-сестрѣ» и «источнику-брату» происходило у подошвы горы, (мѣстоположеніе которой онъ къ сожалѣнію не опредѣляетъ) въ пещерѣ въ мѣстности *Бут'*, какъ уже замѣчено выше.

9. Въ связи съ этими божествами находился и богъ **Аманор**, Ամանորայ դիք. Это—слово сложное, состоящее изъ *ам*, ամ—«годъ» и *нор*, նոր—«новый»; слѣдовательно, *Аманор* значитъ: «новый годъ». Агаѳангелъ увѣряетъ, что онъ былъ «покровителемъ плодовъ» и въ тоже время назывался «Ванатур дик', Վանատուր դիք, т. е. «богъ пріютодатель».

Храмъ его находился въ Баг-аванѣ багревандскаго округа, айраратской провинціи, гдѣ *въ началѣ новаго года* въ мѣсяцѣ *Навасард*'ѣ, * соотвѣтствующемъ 11-му августа, древніе Армяне, собравшись со всѣхъ концевъ Великой Арменіи, съ большимъ торжествомъ праздновали праздникъ Аманóра, продолжавшійся *шесть дней*. Въ продолженіи этого времени они въ Баг-аванѣ около храма получали не только «пріютъ и ночлегъ» (отсюда эпитетъ *ванатур* «пріютодатель»), но даже «пользова-

* Толкованіе, даваемое этому слову Мхитаристами, наивно до невѣроятія. По ихъ мнѣнію, слово *навасард*, Նաւասարդ, трехсложное: *нав ехас ард*, Նաւ եհաս արդ, и значитъ: «корабль достигъ теперь», получившее начало во время Ноя, который, видя ковчегъ приставшимъ къ Арарату, какъ-будто воскликнулъ: *нав хас ард*, т. е. «*корабль достигъ теперь*» мѣста своего назначенія.

Навасард просто слово арійскаго происхожденія, состоящее изъ парсійскаго *нев*—«новый» и санскритскаго *сарт*—«годъ». Такъ назывался у древнихъ Армянъ мѣсяцъ, которымъ начинался «*новый годъ*».

лись отъ жертвоприношеній» (см. Ист. Агаѳ. стр. 619—620;—Моис. хорен. кн. II, гл. 66).

У Парсовъ *новый годъ* также назывался *Нев-руз*: слово, которое значитъ собственно—«новый день»; но онъ начинался и праздновался не въ началѣ августа, какъ у Армянъ, а въ мѣсяцѣ *фервадинъ* около весенняго равноденствія; между тѣмъ какъ во время осенняго равноденствія они праздновали въ мѣсяцѣ *михраганъ* праздникъ Михра или Митры. Ясно, что источникъ поклоненія съ одной стороны Амано́ру, съ другой—Михру, первоначально былъ одинъ и тотъ же; но что у Армянъ и Парсовъ оно видоизмѣнялось по тѣмъ понятіямъ, которыя тотъ или другой народъ имѣлъ о божествѣ, имъ чествуемомъ.

Читатели не должны удивляться, что мы, основываясь на словахъ Агаѳангела, Амано́ра назвали *богомъ*, а не приняли его имени просто какъ выраженіе понятія: *годъ*. Мы знаемъ, что до сихъ поръ въ этомъ послѣднемъ только значеніи и принималось указаніе армянскаго историка *. Что не въ одной Арменіи смотрѣли на *годъ*, какъ на извѣстный періодъ времени, и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ на божество, которому приносили жертвы, тому доказа-

* Мхитаристы не поняли, и теперь не понимаютъ, значенія боговъ армянскаго пантеона вообще и *Аманора* въ особенности. Вѣрный послѣдователь ихъ, г. Дюлорье, съ ними вмѣстѣ впадаетъ въ ошибку, когда онъ, переводя упомянутый отрывокъ изъ Агаѳангела, выраженіе этого послѣдняго: դիք Ամանորայ — «богъ Аманор», передаетъ черезъ «le dieu de la nouvelle année». Значитъ, онъ не подозрѣваетъ существованія бога, именно *Аманора*, у Армянъ. Въ томъ же отрывкѣ ученый французъ даетъ непростительный промахъ, принимая *ванатур*—эпитетъ Аманора, за собственное имя отдѣльнаго божества, которому въ свою очередь придаетъ эпитетъ Hospitalier, производя его въ какой-то «dieu Vanadour Hospitalier» (см. его Recherches sur la Chronol. armén. t. I, p. 10).

тельствомъ служатъ алтари, воздвигнутые жителями Тира въ честь не только *Года*, но и *Мѣсяца*, какъ символовъ самаго долгаго и самаго короткаго времени, т. е. двухъ періодовъ, изъ которыхъ большой измѣрялся Солнцемъ, а малый—Луною, т. е. мѣсяцемъ (см. Religions de l'antiquité par F. Creuzer, trad. J—D. Guigniaut, t. 2, troisième partie, note 8 du livre IV, p. 964—965).

10. Нераздѣльно съ Арег-акн'омъ—Окомъ невидимаго Арамазда, было и божество **Арев** *, **Արև**—видимое проявленіе невидимаго свѣта, живительнаго начала всего суще-

* Въ Харранѣ подъ именемъ *Арев*'а или *Уру* разумѣли бога-солнце» (см. D. Chwolsohn, die Ssabier... B. II, p. 288—290). Замѣтимъ кстати, что въ классическомъ армянскомъ языкѣ слово: *арев*, значитъ «видимый свѣтъ солнца». Корень его, безъ сомнѣнія, *ар*, *ար*, который замѣчаемъ во многихъ арм. словахъ, какъ напр. а) въ *ар*-ег, *ար-եգ*—солнце»; b) въ *ер*-кин, *եր-կին*—«небо», состоящемъ изъ *ер*, *եռ*, «кипѣніе, жаръ», и *кин*, *կին*—«жизнь» (отсюда *кин*—«жена» и *кьянк'*, *կեանք*—«жизнь»), и потому *ер—кин* вѣроятно первоначально значило «мѣсто, гдѣ кипитъ жизнь, мѣстопребываніе Арега,«солнца»—*небо*; c) въ *ер*-кир, *եր-կիր*—«земля», состоящемъ, какъ и предыдущее слово, изъ *ер*, уже намъ извѣстнаго, и изъ *кир*, *կր*, корня глагола *кѐр*-ем, *կր-եմ*—«носить въ себѣ»; и потому *ер-кир* первоначально должно было значить: «мѣсто, которое носитъ въ себѣ жаръ, теплоту Арега—*земля*; d) въ глаголѣ *айр*-ем, *այր-եմ*—«жечь», сохранившемъ въ простонародномъ языкѣ, гдѣ онъ теперь произносится *ер*-ем, *եր-եմ*—свой первоначальный характеръ; e) въ существительныхъ: *ер*-д, *եր-դ*—«дымовая труба въ печи» (въ англійскомъ «hearth» значитъ *очагъ*); *ер*, *եռ*—»кипѣніе, кипяцій»; *ер*-анди, *եռ-անդն*—«пылъ», въ переносномъ смыслѣ «восторгъ, гнѣвъ»; въ гл. *ер*-ам, *եռ-ամ*—«кипѣть, пылать» и пр.

Къ семейству вышеприведенныхъ словъ, вѣроятно, принадлежитъ и слово: *авр*, *աւր*—«день», которое теперь вокализируется *ор*, между тѣмъ какъ первоначально оно произносилось *авр*, чему доказательствомъ служатъ косвенные отъ него надежи: *авур*, *աւուր*—«дня»; *авурб*, *աւուրբ*—«днемъ»; *авурк'*, *աւուրք*—«дни».

У Мендантовъ оно вокализировалось *Aur* (гречес. *Уранос*=Auran, богъ *Ur*) и означало «божество, пребывающее надъ небесной твердью».

ствующаго. Эпитетъ его—«податель жизни». Въ немъ Армяне поклонялись невидимому Арамазду и, какъ въ языческія времена, такъ и теперь нерѣдко они клянутся именемъ этого божества, говоря: *քո Արեւ վկայ*—«свидѣтель твой Арев», или *քո արեւ գիտէ*—«знаетъ твой Арев»: выраженія, соотвѣтствующія теперешнимъ: «свидѣтель Богъ, что»... «знаетъ Богъ, что»...

Судя по живучести, которую замѣчаемъ въ ученіи о поклоненіи Арамазду, должно полагать, что это послѣднее было повсемѣстно распространено между жителями древней Арменіи. Драгоцѣнныя, хотя и весьма краткія, извѣстія о поклоненіи Арев'у находимъ у Нерсеса Благодатнаго (жив. въ XII в.) въ его граматѣ къ месопотамійскому армянскому духовенству, изъ которой узнаемъ, что въ городѣ Самосатѣ, восемь вѣковъ спустя послѣ принятія Армянами христіанской вѣры, продолжало еще существовать поклоненіе Арев'у у жителей упомянутаго города, называвшихъ себя *Арев-ордик'ъ*, т. е. «Сынами Арев'а». Нерсесъ называетъ ихъ ученіе: «ересью, проповѣдующую поклоненіе дэвамъ», *դիւապաշտ աղանդ*, присовокупляя, что Арев-ордик'ъ, любя мракъ, отказались отъ принятія ученія свѣта и со времени Григорія Просвѣтителя не переставали пребывать въ языческой вѣрѣ отцевъ своихъ. Изъ немногихъ словъ армянскаго іерарха узнаемъ, что эти Армяне-язычники поклонялись: 1. Арегакн'у; 2. Лусин'у; 3. звѣздамъ; 4. дереву *барти* (видъ тополя), къ которому мы возвратимся ниже и въ которое вселяясь, требовали себѣ поклоненія дэвы; и что наконецъ 5. женщины у нихъ занимались ворожбой, колдовствомъ, приготовленіемъ различныхъ зелій, посредствомъ которыхъ онѣ разжигали преступную любовь между лицами обоего пола, предлагая ихъ въ напиткахъ или въ пищѣ.

Изъ словъ Нерсеса видно, что Арев-ордик'ъ, слѣдовательно и предки ихъ, поклонялись, кромѣ Арег-аки'а, Лусин'а, Арев'а, также *Звѣздамъ* вообще * (см. упомян. Грам. Нерсеса въ Полн. Сочин. послѣдняго, Венеція, 1838, стр. 238—253).

Хотя, какъ выше было замѣчено, Ахриманъ, антагонистъ Арамазда, и не называется по *имени* у армянскихъ писателей, тѣмъ не менѣе однако въ нѣкоторыхъ словахъ, которыми послѣдніе его характеризуютъ, мы узнаемъ *эпитетъ*, придаваемый ему древними Парсами. Моисей хоренскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что въ началѣ IV вѣка Армяне поклонялись «двумъ почернѣвшимъ *вишап*'амъ (=драконамъ), въ которыхъ вселялись

* Замѣтимъ мимоходомъ, что Григорій Магистросъ еще въ XI вѣкѣ въ одномъ изъ своихъ Посланій упоминаетъ объ *Арев—ордик'ъ*. Г. Дюлорье въ своемъ переводѣ Лѣтописи Маттеоса едесскаго впадаетъ въ странную ошибку, называя ихъ «*поклонниками огня*, *которому*, говоритъ онъ, народъ армянскій *поклонялся* до обращенія своего въ христіанство» (стр. 464, примѣч. 3). Странно видѣть подобное смѣшеніе понятій у г. Дюлорье, который поклоненіе *солнцу* принимаетъ за поклоненіе *огню*! Ибо въ послѣднее время доказано учеными, что *дуализмъ* и *поклоненіе стихіямъ* суть двѣ совершенно отличныя одна отъ другой религіозныя системы. *Дуализмъ* составлялъ древнѣйшее ученіе Парсовъ, вмѣстѣ съ которыми языческіе Армяне исповѣдывали его; *поклоненіе* же *стихіямъ* составляло основу *магизма*, т. е. ученія Маговъ, народа скиѳскаго происхожденія. Только въ послѣдствіи времени магизмъ былъ внесенъ въ Парсію, гдѣ ему не мало стоило труда амальгамироваться съ чистымъ дуалистическимъ ученіемъ, которое, не смотря на это сліяніе, не переставало пребывать здѣсь религіею двора и высшаго сословія, между тѣмъ какъ первый былъ распространенъ по селеніямъ и составлялъ религію низшаго сословія или простаго народа. — Когда Геродотъ говоритъ, что Парсы поклонялись *землѣ*, *водѣ*, *огню* и *вѣтрамъ* (кн. I, 131), онъ конечно описываетъ религію Маговъ, распространенную, какъ мы сказали, въ массѣ парсійскаго народа; ибо, какъ видно изъ его же разсказа, онъ не имѣлъ понятія о арійскомъ вѣрованіи Ахеменидовъ.

дэвы (см. въ его Полн. Сочин. Ист. св. дѣвъ, сопутницъ Рипсиме, стр. 301—302); а мы знаемъ изъ сказаній Парсовъ, что послѣ неудачнаго нападенія на царство Ормузда, совершеннаго Ахриманомъ въ главѣ всѣхъ своихъ *дэв*овъ, послѣдній долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ и въ видѣ *дракона* бросился съ неба на землю (см. Rhode, Heil. Sage, p. 174 и далѣе 376). Замѣчательно, что этимъ *вишап*'амъ (=драконамъ), какъ увѣряетъ тотъ же Моисей хоренскій, приносили *человѣческія жертвы*: «цѣломудренныхъ дѣвъ и невинныхъ юношей». При этомъ онъ замѣчаетъ, что «дэвы, обрадованные видомъ крови, жертвенниковъ, огня и источника, являли какія-то видѣнія, сопровождаемыя блескомъ, стукомъ и пляской». Историкъ заключаетъ свой интересный разсказъ словами: «вокругъ скалы, гдѣ это происходило, были глубокія ущелья, наполненныя *зміями* и *скорпіонами* съ смертоноснымъ ядомъ» (тамже). Кажется, слова: *змѣи* и *скорпіоны* не требуютъ здѣсь объясненія; ибо читатель конечно знаетъ, что эти гадины, будучи *твореніемъ* Ахримана, служили ему въ тоже время *символомъ*.

11. Кажется, не будетъ натяжки, если изъ вышесказаннаго заключимъ, что Армяне, поклоняясь началу добра—Арамазду, чествовали въ тоже время начало зла— **Ахримана**. И это тѣмъ болѣе, что мы находимъ у нихъ *дэв*овъ *, служителей Ахримана, созданныхъ послѣднимъ.

* Парсійская форма этого слова: *даэва*, санскр.—*дэва*. У брахмановъ оно значитъ: «богъ», а у Парсовъ—«злой духъ» (Eug. Burnouf, Yaçna, t. I, p. 8). Въ санскритѣ djaus (род divas, дат. divê, винит. divam, знат. djaus) значитъ «coelum»—*небо*, и по звуку своему близко подходитъ къ греческому *Zeus*, къ германскому *Tius*. Древней формѣ косвенныхъ падежей слова *Zeus* (diós, dii, dia) соотвѣтст-

Если наконецъ вспомнимъ, что подземное царство называется у Армянъ *джохк'*, *դժոխք*, напоминающее собою парсійское *дузах*—первоначальное мѣсто пребыванія Ахримана, противоположное *Горотману*, жилищу блаженныхъ, соединявшемуся съ первымъ посредствомъ *Чинвад*-моста, то нетрудно будетъ въ *царь* этой бездны узнать *Ахримана*.

12. Въ древне-армянскомъ языкѣ сохранилось слово **Сандарамет**, **Սանդարամետ**, или **Сандарапет**, **Սանդարապետ**,

вуетъ латинское *Iovis*, *Iovi*, *Iovem*, изъ которыхъ дѣлаетъ исключеніе именит. *Iu*, *Ius*, сохранившееся только въ сложномъ *Iupiter*, *Iuspiter;* а это Ius, Iovis не что иное какъ смягченіе полной формы *Djus*, *Djovis*. Какъ греческое *Zeus*, такъ и латинское *djus*, выражаютъ одно и тоже понятіе: «небесное божество», «олицетвореніе неба». *Dium*, *divum*—«сводообразное небо», а *Zeus*—«сынъ неба».

Кромѣ *djaus*, *zeus* и *Iupiter* мы находимъ еще слова: *dêvas*, *theós* и *deus*, которыя выражаютъ отвлеченное представленіе: «божество». Къ латинскому *deus* близко подходитъ германское *Tius*, *Zio*. Въ Эддѣ встрѣчается множественная форма *tivar*, означающая *боги*, *герои*. — Новоперсидское *див*, русское *дивъ* и *диво* имѣютъ своимъ корнемъ *див*—«небо», собственно означающее: «блестящій» (въ этой первоначальной формѣ оно сохранилось и въ армянскомъ *тив*, *տիւ*—*день*; отъ него же происходитъ лат. *dies*, вѣроятно и русское *день*), отъ котораго *дэва*—«небесный» (см. Jacob Grimm, Deutsche Mythologie. cap. IX, p. 175 — 176;—W. Mannhardt, Die Goetterwelt der deutschen und nordischen Voelker, I Band, Berlin, 1860, p. 57;—Max Mueller, Wissenschaft der Sprache, erste Vorlesung, p. 10). Не смотря на это небесное свое происхожденіе, *дэва* въ ученіи Зороастра представляетъ собою *начало зла*, слѣд. *служителей Ахримана*. Бюрнуфъ объясняетъ это превращеніе добраго духа въ духа зла антагонизмомъ, возникшимъ между поклонниками Брамы и послѣдователями Зороастра въ слѣдствіе отдѣленія этихъ послѣднихъ отъ Индѣйцевъ и оставленія древняго своего отечества. Послѣдствія этого антагонизма отразились на религіозномъ вѣрованіи Парсовъ: *добрыя божества* Индѣйцевъ въ ученіи Зороастра являются *злыми*, и наоборотъ *злыя божества* браманистовъ въ Вендидадѣ изображаются *добрыми*.

парсійское происхожденіе котораго кидается въ глаза съ перваго же разу. Армянское *сандарамет* или *сандарапет* есть безъ сомнѣнія *Сапандомат* или *Еспендармат* древнихъ Парсовъ, подъ которыми послѣдніе разумѣли «духа земли», одного изъ Изедовъ, созданныхъ Ормуздомъ. Перюзенгъ называетъ его «la maîtresse de la terre (Eug. Burnouf, Yaçna, ch. I, p. 157—158). Это слово, перенесенное армянскими писателями IV и V вѣковъ изъ языческаго міра въ міръ христіанскій и служившее для древнихъ Армянъ, какъ и Парсовъ, названіемъ «духа земнаго, святаго и покорнаго,» у первыхъ стало выраженіемъ понятія совершенно противоположнаго: подъ нимъ стали разумѣть, правда, *духа* же, но «не святаго и покорнаго», а *злаго—духа подземнаго царства, бездны, ада* (см. также 515 примѣч. къ моему перев. Ист. Моис. хорен. стр. 327). Въ такомъ по крайней мѣрѣ метамарфозѣ своего значенія является оно въ переводѣ армянской Библіи (Iезек. гл. XXXI, 16), Моисея хоренскаго (кн. II, гл. LXII) и у другихъ послѣдующихъ писателей армянскихъ.

II.

За 150 лѣтъ до Р. Х., а именно въ царствованіе Вах'аршака два брата индійца, **Гисане** и **Деметръ**, Գիսանէ, Դեմետր, являясь къ нему, просятъ у него убѣжища. То были индійскіе князья, навлекшіе на себя гнѣвъ царя своего. Вах'аршакъ приказалъ отвести имъ таронскую землю, гдѣ они, построивъ себѣ городъ *Вишапъ*, поселились. Вскорѣ они отправились въ сосѣдній Аштишатъ, гдѣ поставили изображенія идоловъ, которымъ поклонялись въ Индіи.

По прошествіи 15 лѣтъ, по неизвѣстной причинѣ, армянскій царь приказалъ убить ихъ и земли, которыми они владѣли, передать тремъ ихъ сыновьямъ. Послѣдніе удалились на гору Карке, выбрали тамъ красивое и прохладное мѣсто, богатое дичью, травой и лѣсомъ, и поставили тамъ мѣдныя изображенія двухъ идоловъ: одно въ 12, а другое въ 15 локтей вышиною. Зенобъ Глакъ, ученикъ св. Григорія, въ первыхъ годахъ IV столѣтія какъ очевидецъ описываетъ потомковъ этихъ индійскихъ переселенцевъ. По его словамъ, «они были чернаго цвѣта, отвратительнаго вида и съ длинными волосами». По этой картинѣ безъ особеннаго труда мы узнаемъ выходцевъ съ береговъ Ганга; но къ сожалѣнію она не дастъ никакого понятія о томъ, въ чемъ именно заключалось ученіе этихъ переселенцевъ, что̀ это были за изображенія и какихъ именно божествъ? Зенобъ съ увѣренностью утверждаетъ только одно, что «тамъ, гдѣ стояли идолы, столько же было *дэв*овъ (злыхъ духовъ), сколько и въ бездиѣ *Сандарамета*» (т. е. ада).

Не смотря на полнѣйшую неопредѣленность извѣстія нашего автора о индійскихъ идолахъ, нѣкоторые ученые во что бы то ни стало хотѣли уяснить себѣ—какія именно индійскія божества слѣдуетъ видѣть въ упомянутыхъ двухъ кумирахъ?

Армянскій ученый, Авдалъ, живущій въ Калькуттѣ, нимало не затрудняясь отсутствіемъ данныхъ, отожествляетъ этихъ идоловъ съ индійскимъ *Яганнат*'омъ и *Кали Гат*'омъ (Memoir of hindoo colony in ancient Armenia въ Journal of the asiatic society of Bengal, Calcutta, 1836, vol. V, p. 332). Извѣстный нѣмецкій ученый, Лассенъ, силится видѣть въ Гисане *Кришну*, а въ Деметрѣ—*Ха-*

бад'ару или *Балераму* (см. у Риттера въ его Erdkunde, Berlin, 1843, zehnter Theil, drittes Buch, West-Asien, p. 557). Усиліе, которое, онъ дѣлаетъ для отожествленія Гисане съ Кришною и Деметра съ Балерамою, совершенно напрасно и безплодно потому, что изъ расказа Зеноба никакъ не видно, чтобы два индійскія божества назывались Гисане и Деметр'омъ. Это были *просто имена двухъ братьевъ,* первыхъ индійскихъ выходцевъ, и ничего болѣе. Послѣ того какъ они были умерщвлены по приказанію армянскаго царя, сыновья ихъ изъ Аштишата перенесли изображенія отечественныхъ боговъ своихъ на гору Карке́, которыя съ той поры и стали извѣстны у жителей таронской провинціи подъ общимъ наименованіемъ «*боговъ братьевъ Гисане и Деметра* (см. Зен. Главъ, Ист. Таронской Провинц. Венеція, 1832, гл. I. стр. 8; 25—39). Таковъ точный смыслъ повѣствованія армянскаго лѣтописца! Авдалъ, Нейманнъ и другіе, къ сожалѣнію, не могли уловить этого смысла разсказа Зеноба, который, скажемъ мимоходомъ, довольно запутанъ, и невѣрнымъ толкованіемъ текста ввели ученыхъ Риттера и Лассена въ заблужденіе и произвольное объясненіе именъ: Гисане́ и Деметръ (Die Erdkunde, также стр. 554—557;—Uebersicht der neuesten Erscheinungen der armenischen Litteratur, eine Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1837, 8, B. I, p. 253).

Фактъ неоспоримый, что въ таронской провинціи въ теченіи 450 лѣтъ (съ 150 г. до Р. Х. до 302 по Р. Х.) стояли изображенія индійскихъ боговъ, чествуемыхъ ея жителями, но что̀ это были за боги? въ чемъ состоялъ ихъ культъ?—на эти вопросы текстъ Зеноба рѣ-

шительно не даетъ никакого отвѣта. Несовмѣстимо съ понятіемъ о достоинствѣ науки желаніе во что бы то ни стало строить на воображаемой почвѣ зданіе, которое при первомъ прикосновеніи критики разлетается какъ дымъ.

III.

Въ позднѣйшую уже эпоху армянской исторіи, а именно, въ 114 году до Р. X. впервые мы встрѣчаемъ извѣстія о *греческихъ богахъ*, внесенныхъ въ армянскій пантеонъ. По Моисею хоренскому, великій воитель, царь Арташесъ I, внукъ Вах'аршака, во время счастливаго своего похода въ Малую Азію вывезъ оттуда, какъ трофеи, изображенія греческихъ боговъ съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ въ своей столицѣ Армавирѣ. Это были, какъ онъ говоритъ, вылитыя изъ мѣди, золоченыя изображенія Артемиды, Геракла и Аполлона, которыя были встрѣчены главными жрецами и поставлены въ Армавирѣ. Изъ нихъ статую Геракла послѣ смерти Арташеса I тѣ же жрецы перенесли и поставили таронскаго округа въ деревнѣ Аштишатѣ. Тотъ же историкъ увѣряетъ, что Арташесъ къ этимъ трофеямъ присовокупилъ еще изображенія: Дія (Diòs) олимпійскаго, Аѳины, Гефеста, Афродиты и другое изображеніе Артемиды, которыя всѣ, какъ военная добыча, были вывезены изъ Еллады и отправлены въ Арменію. Жрецы поставили ихъ въ крѣпости Ани даранахійскаго округа, провинціи Бардцѣр-Хайк'ъ (М. хорен. кн. II, гл. XII). Когда воцарился Тигранъ II (89—55 до Р. X.) первою его заботой было размѣстить бывшія въ Ани упомянутыя изображенія греческихъ боговъ. При этомъ мы замѣчаемъ, что армянскіе

жрецы размѣщаютъ ихъ по тѣмъ туземнымъ храмамъ, въ которыхъ находились соотвѣтствовавшія имъ, по ихъ понятіямъ, божества армянскія. Такъ напр. олимпійскаго Дія они поставили въ аніiскомъ храмѣ, посвященномъ Арамазду, отцу боговъ (Агаѳ. стр. 586;—М. хорен. кн. II, гл. 14 и 53); Аѳину въ Т'илѣ, селеніи округа ЕкеХіацъ, провинціи Бардцѣр-Хайк'ъ, гдѣ былъ храмъ богини Нанé (М. хорен. кн. II, гл. 14;—Агаѳ. стр. 586—88); Артемиду въ Еризѣ, деревнѣ того же округа той же провинціи, гдѣ находился храмъ богини Анахитъ (Агаѳ. стр. 45—46;—Моис. хорен. кн. II, гл. 14 и 60); Гефеста въ Багаринджѣ, деревнѣ дерджанскаго округа, провинціи Бардцѣр-Хайк'ъ, гдѣ стоялъ храмъ бога Михр'а (М. Хорен. кн. II, гл. 14;—Агаѳ. ст. 590); Афродиту въ Аштишатѣ, таронской провинціи, гдѣ былъ храмъ богини Астх'икъ (М хорен. кн. II, гл. 14;—Агаѳан. стр. 602—603). Моисей хоренскій говоритъ, что эти боги и богини были внесены въ Арменію въ сопровожденіи греческихъ жрецовъ (кн. II, гл. XIV).

Въ древнемъ языческомъ мірѣ явленіе очень обыкновенное—заимствованіе чужеземныхъ боговъ и введеніе ихъ въ кругъ божествъ того или другаго народа. Не говоря уже о народахъ западной Азіи, мы замѣчаемъ это и въ Римѣ, гдѣ въ особенности въ послѣднее время его существованія пантеонъ его завоевали, можно сказать, боги всего восточнаго міра. Это же самое замѣчаемъ и въ Арменіи за сто слишкомъ лѣтъ до Р. Х., когда греческіе боги являются въ этой странѣ и чествуются ея жителями наравнѣ съ божествами туземными.

IV.

О *сирійскихъ богахъ* Моисей хоренскій упоминаетъ мимоходомъ. Говоря о царѣ Абгарѣ, жившемъ во время Христа Спасителя и перенесшемъ свою столицу изъ Мѣцбина въ Едессу, онъ по обычной своей сжатости замѣчаетъ только слѣдующее: «(царь) переноситъ туда (въ Едессу) свой дворъ изъ Мѣцбина и всѣхъ своихъ идоловъ—*Набог*'а, *Бэл*'а, *Батникак*'а и *Т'арат'у*... (кн. II, гл. XXVII). Одной этой номенклатурою и ограничивается историкъ; затѣмъ мы узнаемъ изъ его немногихъ словъ, что изображенія этихъ боговъ прежде стояли въ Мѣцбинѣ (Низибисѣ) и что Абгарь перенесъ ихъ въ Едессу. Стало быть, онѣ не переходили за предѣлы армянской Месопотаміи и чествовались тамъ какъ туземныя, т. е. сирійскія, божества, получившія гражданство въ армянскомъ пантеонѣ.

Посмотримъ, что̀ это были за боги?

1. Первый изъ нихъ, **Набог**, есть не что иное какъ ассирійскій *Небо̀* или *Небу*, который въ Сиріи является подъ формою *Набук*. Въ древней Ассиріи, какъ мы видѣли выше (см. стр. 28), это былъ богъ ученія; въ Сиріи же и въ армянской Месопотаміи подъ *Набог*'омъ или *Набук*'омъ разумѣли *Меркурія* (см. Chwolsohn, Die Ssabier und der Ssabismus, B. II, p. 22, 164). Это божество въ Великой Арменіи извѣстно было подъ именемъ *Тир*'а (см. выше, стр. 25). Его эпитеты были: scriba, sapiens, т. е. «писецъ», «мудрый или прозорливый», у Армянъ и Парсовъ: *дпир*, դպիր—«писецъ» (см. выше, стр. 26), у раввиновъ же «der Schreiber der Sonne», какъ увѣряетъ г.

Хвольсонъ (также, стр. 685). Приведенные эпитеты ясно указываютъ на значеніе божества, которое въ древней Ассиріи чествовалось подъ формою *Небó* или *Небу*, въ Сиріи *Набу* или *Набук*, а въ армянской Месопотаміи подъ формою *Набог*, Նաբոգ: это былъ *богъ ученія*.

2. За нимъ у Моисея хоренскаго слѣдуетъ **Бэл**, Բէլ. Въ Вавилоніи ему придавали эпитеты: the suprime, the father of the gods, the procreator, the lord, the king of all the spirits, lord of the countries», т. е. «верховный, отецъ боговъ, первосоздатель, владыка, царь всѣхъ духовъ, владыка странъ»; слѣдовательно, говоритъ полковн. Henry Rawlinson, *Бэл* соотвѣтствуетъ «великому отцу Юпитеру Римлянъ — he answers to the great father Jupiter of the Romans» (см. его ст. «On the Religion of the Babylonians and Assyrians» въ перев. Геродота, Ч. I, стр. 594 — 598). Этотъ характеръ верховнаго существа *Бэл* сохранилъ и въ Сиріи. Здѣсь онъ извѣстенъ былъ подъ эпитетомъ «der ernste Greis», подъ которымъ разумѣли Хроноса, и означалъ, какъ и въ Ассиріи, «первоначальное существо, творца всего сущаго» (Chwolsohn, также, стр. 39, 165, 171). Нѣтъ сомнѣнія, что *Бэл* Моисея хоренскаго есть то *верховное существо, творецъ всего сущаго*, которому поклонялись какъ въ древней Ассиріи, такъ въ послѣдствіи и въ Сиріи.

3. **Бат'никах'**, Բաթնիկաղ — третій изъ боговъ, перенесенныхъ Абгаремъ изъ Мѣцбина въ Едессу, остается до сихъ поръ загадкой. Чтó это было за божество, не знаемъ. Профессоръ Хвольсонъ, какъ спеціалистъ во всемъ, касающемся сабейскаго міра, могъ бы разрѣшить эту загадку; но, къ сожалѣнію, онъ въ вышеприведенномъ ученомъ своемъ трудѣ, говоря о божествахъ Абгаря, молчаніемъ проходитъ о *Бат'никах'*ѣ.

Позволяю себѣ предложить здѣсь вопросы по поводу *Бат'никах'*а, которые могутъ разрѣшить посвященные въ древности Харрана.

Не есть ли *Бат'никах'* слово сложное, состоящее изъ *Батни* (=Батне, Батна, древній Саруджъ, или Сĕрутчъ, какъ пишетъ Варданъ?), названія города въ сѣверной Месопотаміи, и изъ армянскаго *ках'*, քաղ—«козелъ»?

Не было ли въ Сиріи бога, которому жители этой страны поклонялись бы подъ изображеніемъ *козла?*

4. Наконецъ четвертое божество месопотамійскихъ Армянъ была **Тарат'а**, Թարաթայ. Подъ этимъ названіемъ является здѣсь божество, извѣстное въ Сиріи подъ именемъ *Таргата*, prodigiosa Atargatis» Плинія. По мнѣнію послѣдняго, Греки изъ Atargatis образовали *Деркето* (Hist. nat. lib. V, 23). Ее представляли женщиной, у которой нижная половина туловища оканчивалась рыбой (Diod. Sic. Bibl. hist. lib. II, 4). Въ этой богинѣ ученые видятъ *Астарте*, которая подъ различными наименованіями чествовалась не только въ западной Азіи, но и въ отдаленномъ западѣ (см. Creuzer, Religions de l'antiquité. t. II, 3-me partie, note 4, p. 910; note 6, p. 945.—Chwolsohn, Die Ssabier....B. II, p 159.—G. Wilkinson, «On the worship of Venus Urania throughout the East», in the History of Herod. vol. II, p. 537—547). Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальная форма названія этой богини—*Таргата*, изъ котораго съ опущеніемъ буквы *г* образовалась армянская *Т'арат'а*; греческое же *Деркето* или *Деркет* непосредственно происходитъ отъ первой изъ двухъ вышеприведенныхъ формъ. У Плинія и Страбона это имя, принимая въ началѣ *а* и на концѣ *is*, является въ формѣ A–targat–is.

V.

Мы уже упомянули о **дэвахъ**, служителяхъ Ахримана. Само собою разумѣется, что не ими одними были окружены армянскія божества высшаго разряда, но что вмѣстѣ съ *дэвами* дѣлили эту честь и другіе *духи* низшаго порядка. Судя по немногимъ наименованіямъ, уцѣлѣвшимъ въ древне-армянскомъ языкѣ, можно полагать, что это только обломки отъ языческаго вѣрованія древнихъ Армянъ, которое нѣкогда составляло нѣчто цѣлое и стройное. Таковы напр. **юшканарик**, *յուշկապարիկ*; **хамбару**, *համբարու*; **пай**, *պայ*; **парик**, *պարիկ* и др., значеніе и роль которыхъ мы не беремся опредѣлить, не имѣя для того достаточно данныхъ. Толкованія, даваемыя этимъ словамъ Мхитаристами въ ихъ Большомъ Словарѣ, не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ лишенныя логическаго основанія; ибо эти ученые объясняютъ ихъ, опираясь на древніе переводы съ греческаго, гдѣ армянскіе писатели передаютъ имена извѣстныхъ существъ греческой миѳологіи словами, заимствованными изъ языческаго міра армянскаго. Извѣстно, какъ мало можно положиться на вѣрность перевода или передачи христіанскими писателями первыхъ вѣковъ названій языческихъ боговъ вообще и ихъ характеристики въ особенности. Армяне не дѣлаютъ изъ этого исключенія; такъ напр. греческое *иппокентавр* они переводили черезъ *юшкапарик*, тогда какъ въ этомъ армянскомъ словѣ не слышно и духу ни *иппос*, ни *кентаврос*. Ясно, что переводчики для выраженія греческаго *иппокентавр* употребили первое попавшее имъ подъ перо слово изъ армянскаго язычества не потому, чтобы послѣднее означало именно

иппокентавра, но потому что слово: *юшкапарик* существовало уже и служило наименованіемъ одного изъ духовъ армянской миѳологіи. Тоже самое можно сказать и объ остальныхъ словахъ, уже приведенныхъ нами выше. Мхитаристы безъ малѣйшей критики приняли за чистую монету значеніе, въ которомъ употреблялись означенныя слова первыми армяно-христіанскими писателями и впали такимъ образомъ въ непростительную ошибку, въ которую они вовлекли за собой какъ армянскихъ, такъ и западныхъ ученыхъ. Мы удерживаемся отъ толкованія этихъ словъ, которыя безъ сомнѣнія нѣкогда служили выраженіемъ понятія о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ существъ армянскаго пантеона, но которыя за недостаткомъ точныхъ извѣстій и точнаго ихъ употребленія у писателей этого народа совершенно утратили для насъ и смыслъ и первоначальное свое значеніе.

За то съ другой стороны мы можемъ обратить вниманіе ученыхъ на названія двухъ духовъ, роль и значеніе которыхъ намъ удалось опредѣлить еще прежде, благодаря на этотъ разъ довольно удовлетворительнымъ свѣдѣніямъ, оставленнымъ объ нихъ древнѣйшими армянскими писателями. Мы разумѣемъ **аралез**'овъ, *առալէզ*, и **к'адж**'овъ, *քաջ*. Мхитаристы, венеціанскіе и вѣнскіе, и нѣкоторые изъ европейскихъ оріенталистовъ приняли наше толкованіе значенія *аралез*'овъ и *к'адж*'овъ, какъ нелишенное основанія. Оно было предложено нами въ нашемъ «Изслѣдованіи объ Эпосѣ древнихъ Армянъ», стр. 80—92, и въ переводѣ «Исторіи» Моисея хоренскаго, стр. 251—256 примѣч. 57. Для полноты этого Очерка приведемъ здѣсь въ немногихъ словахъ результатъ нашихъ изслѣдованій по значенію словъ: *Аралез* и *К'адж*.

Начнемъ съ *Аралез*'а. — За 150 л. до Р. Х. Маръ-Абасъ Катина, современникъ Вах'аршака, родоначальника армянскихъ Аршакидовъ, первый употребляетъ это слово, разсказывая, на основаніи народныхъ легендъ, исторію борьбы Семирамиды съ Арою, армянскимъ царемъ изъ династіи Хайка, жившимъ за 1767 л. до Р. Х. Знакомымъ съ Моисеемъ хоренскимъ (кн. I, гл. XV) извѣстно, что смерть этого царя, павшаго на войнѣ противъ ассирійской царицы, вмѣсто того чтобы положить конецъ бою, еще сильнѣе раздражила Армянъ, рѣшившихся во что бы то ни стало отомстить за любимаго своего государя; извѣстно также что Семирамида, чтобы успокоить армянское войско распустила слухъ, что «она приказала *богамъ лизать раны царя Ары,* въ слѣдствіе чего этотъ послѣдній оживетъ»; и что когда разложился трупъ, она велѣла бросить его въ глубокую яму, вывела одного изъ своихъ любовниковъ въ царской одеждѣ и распустила про него молву, что «*боги, облизавъ Ару, оживили его*», и тѣмъ успокоила народъ. Такъ говоритъ народная легенда.

Другой писатель IV вѣка, а именно Фаустъ византійскій по случаю убіенія армянскаго главнокомандующаго Мушеха, жившаго въ 384 г. по Р. Х. въ царствованіе Вараздата-аршакуни, разсказываетъ слѣдующее: Батъ Сахаруни, кормилецъ царя Вараздата, завидуя славѣ Мушеха, своими безпрестанными навѣтами возстановилъ государя противъ него до такой степени, что тотъ рѣшился наконецъ приказать умертвить Мушеха. Злодѣйство было совершено за царскимъ столомъ по данному условному знаку (кн. V, гл. 35). Историкъ продолжаетъ: «когда понесли тѣло главнокомандующаго Мушеха на домъ

къ его родственникамъ, то они не хотѣли вѣрить его смерти, хотя и видѣли его голову отсѣченною отъ тѣла. Они говорили: онъ бывалъ въ безчисленныхъ сраженіяхъ и ни разу не былъ раненъ; никогда стрѣла не касалась его, ниже кто-нибудь наносилъ ему рану оружіемъ. — Другіе, не надѣясь на то чтобы онъ воскресъ, приставивъ пришили голову къ туловищу и возвели на кровлю одной башни. Такъ какъ Мушехъ былъ мужъ храбрый, то они говорили: «*Арлезы сойдутъ и воскресятъ его*». Стояли, сторожили въ ожиданіи его воскресенія до тѣхъ поръ, пока наконецъ не сгнилъ трупъ его. Тогда снесли его съ башни и, совершивъ надъ нимъ тризну, погребли, какъ подобало» (кн. V. гл. 36).

Наконецъ Езникъ — жив. въ V вѣкѣ — въ своемъ «Опроверженіи лжеученій» также упоминаетъ о существованіи *Аралез*'овъ, *оживлявшихъ мужей*, *павшихъ въ бою* (кн. I, §§ 24—25).

Изъ этихъ указаній видно, что языческіе Армяне вѣрили въ существованіе *духовъ-аралезовъ*, содѣйствовавшихъ воскресенію павшихъ въ бою. Эти *духи*, по выраженію Фауста, *сходили* и лизаніемъ ранъ убитаго на полѣ сраженія возвращали ему жизнь.

Этимологія слова *аралез* или *арлез*, какъ пишетъ его Езникъ, вполнѣ опредѣляетъ роль этихъ духовъ. Оно состоитъ изъ *іар*, յար—«безпрестанно» и изъ *лез*, լեզ, корня гл. *лез*—ум, լեզում = «лизать»; и потому *аралез* значитъ: «*безпрестанно лижущій*». Мнѣніе Мхитаристовъ, производящихъ это слово отъ *имени Ары* и отъ *лез*—ум=«лизать», лишено всякаго основанія (см. въ ихъ Больш. Словарѣ); ибо тогда слѣдовалобъ приписывать смерти Ары и выдумкѣ Семирамиды также и происхожденіе это-

го повѣрія. Но мы видимъ изъ Моисея хоренскаго, что ассирійская царица прибѣгаетъ къ этому повѣрію, какъ къ туземному, *еще до нея существовавшему* въ Арменіи съ тѣмъ, чтобы успокоить взволнованные умы Армянъ. Понятно, что если Армяне-язычники вняли голосу царицы, то это единственно потому, что по ихъ ученію воскресеніе Ары была вещь возможная при содѣйствіи *Аралез*'овъ.

Ни Фаустъ византійскій, ни Моисей хоренскій не говорятъ — въ *какомъ видѣ* представляли себѣ *аралез*'а древніе ихъ соотечественники. Изъ ихъ словъ мы узнаемъ только, что *аралезы пребывали въ воздушномъ пространствѣ*, ибо *сходили сверху;* слѣдовательно они—*не подземные духи.* Одинъ только Езникъ въ упомянутомъ своемъ сочиненіи, говоря объ *аралез*'ѣ, производитъ его отъ *собаки.* Не смотря на неопредѣленность этой характеристики, мы изъ нея все-таки можемъ заключить, что древніе Армяне изображали *его съ собачей головой*(см. также 57 прим. къ нашему переводу Ист. Арм. Моисея хорен. стр. 251—256).

Что же касается до слова *к'адж,* քաջ, то, какъ мы уже замѣтили, архаическое значеніе его до нынѣшняго времени оставалось непонятымъ. Мхитаристы объясняли и переводили его черезъ *храбрый;* за ними и прочіе арменисты повторяли тоже самое. Правда, у позднѣйшихъ писателей оно только въ этомъ смыслѣ и употребляется; но не таково было его значеніе во времена языческія и не таково оно даже у Моисея хоренскаго, хотя и христіанскаго писателя V вѣка. Обратимся къ нему: онъ дастъ намъ нить, при помощи которой можемъ добраться до точнаго разумѣнія первоначальнаго значенія этого слова.

Въ своей Исторіи этотъ писатель приводитъ изъ на-

роднаго Эпоса отрывокъ, въ которомъ царь армянскій Артаваздъ IV (120 л. по Р. Х.) съ упрекомъ обращается къ тѣни умершаго своего отца Арташеса III, говоря: ты умеръ и унесъ съ собою всѣхъ и все; какъ же мнѣ теперь царствовать надъ развалинами? За подобный упрекъ Арташесъ изъ могилы проклинаетъ неблагодарнаго сына въ слѣдующихъ словахъ: «Если ты выѣдешь на охоту на свободный Масисъ (Араратъ), тебя захватятъ *к'аджи*, повлекутъ на свободный Масисъ: тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе» (кн. II, гл LXI). Въ предложеніи: «тебя захватятъ *к'аджи*», послѣднее слово по понятіямъ языческихъ Армянъ означало: *духъ* *, что̀ и подтверждается смысломъ послѣдующихъ за нимъ словъ: «повлекутъ (тебя) на свободный Масисъ: тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе». Въ доказательство нашего толкованія приведемъ еще объясненіе слова *к'адж*, встрѣчаемое въ одномъ древнемъ рукописномъ словарѣ нашей библіотеки, гдѣ оно объясняется такъ: «*к'адж* есть *духъ* по сущности своей *добрый*», *քաջ է ոգի ըստ ինքեան բարի*.

По этому *к'аджи* были духи добрые въ противоположность *дэвамъ* — «духамъ злымъ». Что *к'аджи* дѣйствительно были *духи* по сущности *добрые*, это мы видимъ изъ того еще, что армянскіе цари–аршакиды именовали себя *к'аджами*, разумѣя подъ ними существа, стоявшія выше обыкновенныхъ смертныхъ, *существа небеснаго происхожденія* (Моис. хорен. кн. I, гл. XI;—

* Франц. переводчикъ хоренскаго, Левайльянъ де Флориваль, совершившій свой трудъ подъ руководствомъ Мхитаристовъ, мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, перевелъ такъ: «Si tu vas à cheval chasser sur le noble (?) Massis, *les braves habitans* (?!) *te prendront*, le mèneront sur le noble (!) Massis; tu restera là, es tu ne veras plus la lumière» (Histoire d'Arménie, Paris, liv. II, p. 291).

кн. III, гл. XVII, XXVI, LI). Въ этомъ случаѣ слово *к'адж* по значенію своему тождественно съ словомъ *четре*, которое находимъ въ надписяхъ на сасанидскихъ медаляхъ съ прилагательнымъ *іездани*—«небесный»; и потому *четре іездани* значитъ: «сѣмя небеснаго происхожденія» (*Маздасн бех Арташетр малкан малка Иран миночетри мен іездан*» т. е. «Поклонникъ Ормузда, превосходный Арташетръ, царь царей Ирана, изъ небеснаго поколѣнія боговъ»; см. Silvestre de Sacy, Mémoire sur diverses antiquités de la Perse, p. 177—178), какимъ себя представляли парсійскіе цари-Сасаниды *.

VI.

Какъ во всемъ греко-римскомъ и восточномъ мірѣ, такъ и въ языческой Арменіи мы находимъ между божествами и смертными вообще рядъ посредствующихъ существъ, служащихъ связью, постоянно указывающею на постепенность перехода, по понятіямъ древнихъ, отъ міра видимаго къ міру невидимому; я разумѣю *полубоговъ*, называвшихся у древнихъ Армянъ **дюц-азн**'ами, դիւցազն, т. е. «мужами божественнаго происхожденія». Между такими *дюц-азн*'ами первое мѣсто занимаетъ *Вахагнъ*, Վահագն, сынъ, какъ говоритъ армянскій Эпосъ, Тиграна I Хайкида, современника Кира и Креза. Память о немъ сохранилась въ пѣсняхъ рапсодовъ, въ которыхъ рожденіе Вахагна представлялось въ поэтическихъ краскахъ,

* Замѣтимъ кстати, что слово *Четре*, употребленное въ этой надписи, существуетъ также въ древне-армянскомъ языкѣ подъ формою *тчет*, ճետ, и значитъ «племя, поколѣніе» (см. арм. текстъ Моис. хорен. кн. I, гл. XII).

ствился не въ силу помѣщичьяго полноправія, а по обоюдному соглашенію съ крестьянами, и, во вторыхъ, чтобъ этотъ порядокъ оправдался въ своихъ послѣдствіяхъ не какъ милость, на которую нѣтъ ни образца, ни мѣры, а какъ вѣрный разсчетъ, выгодный *для* крестьянъ и вовсе не разорительный *для* владѣльца. Переговоры его съ крестьянами въ имѣніи, съ котораго онъ началъ, продолжались довольно долго; каждый пунктъ предложенныхъ имъ условій обсуждался на сходкахъ, и нѣкоторые изъ нихъ были измѣнены, по требованію крестьянъ; по окончательномъ утвержденіи всѣхъ статей, положено было, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній, обращаться къ третейскому разбирательству. Черезъ два года, крестьяне другой деревни, принадлежащей Хомякову, сами, при мнѣ, приходили просить его, чтобъ онъ и ихъ перевелъ на то же положеніе, и, если я не ошибаюсь, теперь уже во всѣхъ, или почти во всѣхъ, имѣніяхъ его барщина замѣнена оброкомъ.

Вотъ все, что я могъ собрать на-скоро, въ короткое время, въ отвѣтъ на заданный мнѣ вопросъ...

Въ числѣ немногихъ, собравшихся въ Даниловомъ монастырѣ въ день похоронъ, вы, конечно, замѣтили крестьянина въ дубленомъ тулупѣ, который не спускалъ глазъ съ *заключеннаго гроба* и *обливался* горючими слезами. Эти слезы краснорѣчивѣе всякаго надгробнаго слова.

Ю. Самаринъ.

также борьба Вахагн'а съ драконами и его побѣда надъ ними; что все воспѣваемое въ честь его имѣло большое сходство съ подвигами Геракла и что наконецъ онъ былъ причисленъ къ сонму боговъ * (кн. I, гл. XXXI). Подобно Меркурію, художнику въ дѣлѣ воровства **, армянскій полубогъ крадетъ у ассирійскаго Баршама солому, и въ слѣдствіе бѣгства его съ этой добычей по небу образуется Млечный Путь, какъ мы замѣтили выше (см. стр. 24). Древнѣйшему армянскому писателю, Агаѳангелу, небезъизвѣстенъ былъ миѳъ о Вахагн'ѣ: въ своей Исторіи онъ ему придаетъ эпитетъ *вишапак'ах'*, *վիշապաքաղ*, т. е. «истребитель драконовъ», чтó вполнѣ согласно съ представленіемъ древнихъ рапсодовъ, какъ замѣчено выше на основаніи словъ Моисея хоренскаго. Вахагнъ былъ въ большомъ почетѣ у Армянъ за то, что онъ оказалъ имъ великую услугу, очищая ихъ страну отъ зловредныхъ хищныхъ звѣрей.—Храмъ его находился на берегу Ефрата въ Аштишатѣ, таронской провинціи, и былъ однимъ изъ богатѣйшихъ храмовъ въ Арменіи, наполненнымъ золотомъ и серебромъ, множествомъ приношеній отъ великихъ царей и любимымъ мѣстомъ жертвоприношеній царей Великой Арменіи (Агаѳ. стр. 602—603). Къ сожалѣнію, Вахагн'омъ открывается и имъ же замыкается для насъ рядъ армянскихъ *по-*

передали черезъ *«кимвалъ»* (Die Erdkunde, B. vii, p. 547). Мы имѣли случай возстановить настоящее значеніе *бамбирн*'а въ нашемъ «Изслѣд. о Эпосѣ древ. Армянъ, стр. 97—98. Съ тѣхъ поръ армянскіе и европейскіе ученые подъ словомъ: *бамбирн* разумѣютъ «музыкальный инструментъ со струнами», а не «кастаньеты», иниже кимвалъ».

* По увѣренію того же историка, статуя Вахагн'а была воздвигнута въ сосѣдней Иверіи, гдѣ онъ былъ обоготворенъ и гдѣ чествовали его жертвоприношеніями (см. тамъ же).

** См. выше на стр. примѣч.

лубоговъ, о которыхъ христіанскіе писатели поскупились оставить болѣе подробныя свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что ихъ было не одинъ, ибо мужи въ родѣ *Торк*'а, Տորք, жившаго во время Вах'аршака (150 л. до Р. Х.), существовали безъ сомнѣнія и въ древнѣйшемъ періодѣ Хайкидовъ, которые за свои необыкновенныя умственныя, нравственныя или физическія качества причислялись вѣроятно къ сонму боговъ. Помѣстили же языческіе Армяне на небо родоначальника своего въ созвѣздіи Оріонѣ, которое у переводчиковъ Библіи называется **Хайк**омъ (прор. Исаія, XIII, 10;—Іовъ, XVIII, 31). Но остановимся, ибо безполезно пускаться въ область предположеній.

Выше было замѣчено, что армянскіе цари–аршакиды считали себя происхожденія божественнаго, т. е. *полубогами*. Такъ напр. Вах'аршакъ I письмо свое къ Аршаку Великому заключаетъ словами: «здравствуй, знаменитый *сожительствомъ между богами*» (кн. I, гл. IX;) послѣ построенія храма въ столицѣ своей Армавирѣ тотъ же Вах'аршакъ рядомъ съ изображеніемъ Арег–акн'а и Лусин'а ставитъ въ немъ и *статуи своихъ предковъ* (М. хорен. кн. II, гл. VIII), которыя извѣстны были въ жреческомъ мірѣ подъ названіемъ: «отечественныхъ боговъ», Հայրենի կուռք или «изображеній предковъ», պատկեր նախնեաց (Моис. хор. кн. II, гл. 49 и 77); Тигранъ послѣдній VI, по увѣренію Бардезана-гностика, воздвигаетъ жертвенники на могилѣ брата своего великаго жреца Мажана въ Багаванѣ, багревандскаго округа (М. хорен. кн. II, гл. 66); Тѣрдатъ Великій въ циркулярной своей граматѣ, обращенной ко всѣмъ подданнымъ, начиная отъ вельможи до послѣдняго простолюдина, называетъ себя *дюцахари Парт'ев*, դիւցազն

Պարթև т. е. «Пареяниномъ божественнаго происхожденія», (Агав. стр. 102) и пр. и пр. Такимъ образомъ армянскіе цари-аршакиды при жизни чествовались наровнѣ съ богами, послѣ же смерти причислялись къ сонму боговъ *.

VII.

У Моисея хоренскаго мы читаемъ, что древніе Армяне, подобно многимъ восточнымъ и древне-западнымъ народамъ, имѣли **священныя рощи**, гдѣ поклонялись **священнымъ деревьямъ**. Древнѣйшая роща въ этомъ родѣ была насаждена Арамаиакомъ, сыномъ Хайка, за 2000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. въ айраратской провинціи на берегу рѣки Ерасха (Аракса) недалеко отъ холма, на которомъ въ послѣдствіи сынъ его, Армаисъ, построилъ городъ Армавиръ **, первую и древнѣйшую изъ армянскихъ

* Въ подтвержденіе нашего мнѣнія приведемъ одно мѣсто изъ Амміана Марцеллина, гдѣ онъ, говоря объ основателѣ аршакидской династіи, Аршакѣ, увѣряетъ что послѣдній за великіе воинскіе подвиги, былъ обоготворенъ пареянскими вельможами и народомъ, и по обычаямъ страны, основаннымъ на вѣрованіяхъ народныхъ, помѣщенъ былъ между небесными свѣтилами. Отсюда, говоритъ Амміанъ, и происхожденіе титла: «братъ Солнца и Луны», которое придаютъ себѣ гордые властители Пареіи. Этимъ не ограничивается Амміанъ: по его словамъ, даже особа человѣка аршакидскаго происхожденія считалась священною. Впрочемъ вотъ подлинныя слова самаго историка: Certatimque summatum et vulgi sententiis concinentibus, astris (ut ipsi existimant) ritus sui consecratione permistus est omium primus. Unde ad id tempus reges ejusdem gentis praetumidi, adpellari se patiuntur Solis fratres et Lunae.... et in qualibet civili concertatione, quae adsidue apud eos eveniunt, velut sacrilegium quisque caveat, ne dextera sua Arsacidem arma gestantem feriat vel privatum» (Amm. Marcell. xxiii, 6).

** *Армавиръ* находился на югѣ отъ нынѣшняго Сардарабада, недалеко отъ Эривани.

столицъ. Деревья, насажденныя Араманіакомъ, Моисей хоренскій называетъ *соси*, սոսի—«родъ серебристыхъ тополей». Въ таинства поклоненія этой рощи первоначально посвящались только избранные мужи, какъ напр. Анушаванъ, сынъ Ары,—«мужъ, богато одаренный отъ природы и многоумный», въ слѣдствіе чего и прозванный *Сосаневер*, Սոսանուէր *. Въ этой рощѣ армянскіе жрецы гадали по шелесту листьевъ упомянутыхъ тополей подобно додонскимъ жрецамъ, гадавшимъ по движеніямъ «многоязычнаго»—полиглоссос — «пророчествующаго дуба» — quercus fatidica. — «Колебанія листьевъ этихъ деревьевъ, говоритъ Мар-Абасъ Катина, при тихомъ или сильномъ дуновеніи вѣтра въ теченіи многихъ вѣковъ составляли науку гаданія въ землѣ армянской» (М. хорен. кн. I, гл. XX).

Рядомъ съ деревомъ *соси* древніе Армяне поклонялись и дереву *барти*, բարտի—*особому виду тополя*, котораго къ сожалѣнію съ точностью опредѣлить не можемъ. Поклоненіе этимъ деревьямъ, съ ними быть можетъ и другимъ, продолжалось не только во времена язычества, но и много спустя послѣ введенія христіанства въ Арменіи. Такъ напр. мы видимъ, что горсть *Арев-ордик*'ъ—«Сыновъ Арева» (см. выше стр. 10), сохранившихъ языческія свои вѣрованія до XII столѣтія по Р. Х. въ Самосатѣ, въ Месопотаміи, вмѣстѣ съ поклоненіемъ *Арев*'у поклонялись и дереву *барти*. Патріархъ Нерсесъ Благодатный, сохранившій намъ это извѣстіе, говоритъ, что

* Въ текстѣ Моис. хоренскаго стоитъ: որ Սոս անուանէր т. е. «который назывался *Сос*'омъ. Въ моемъ изд. Исторіи Іоан. каѳол. стр. 13, Анушавану приданъ эпитетъ սոսանուէր, *сосанёвер*, т. е. «посвященный въ рощу Соси». Послѣднее чтеніе я предпочитаю чтенію, представляемому текстомъ М. хоренскаго.

дэв'ы входили въ этого рода деревья и отъ людей требовали поклоненія (см. его Посл. Венеція, 1838, стр. 238—253). Явно, что Нерсесъ говоритъ здѣсь общими мѣстами и съ полнымъ пренебреженіемъ къ ученію «Сыновъ Арева», и такимъ образомъ лишаетъ насъ возможности составить себѣ точное понятіе о воззрѣніи Арев-ордик'ъ на *барти*—предметъ ихъ поклоненія. Ибо мы знаемъ, что и у другихъ народовъ древняго и новаго міра деревья нерѣдко служили символомъ понятій отвлеченныхъ. Въ Индіи *священная смоковница* была символомъ производящей и творящей силы природы (см. у Creuzer'a t. I, première partie, liv. I, ch. II, pp. 140—150). Во Фригіи и въ Римѣ во время весенняго равноденствія въ праздникъ матери боговъ посвящали ей *сосну*; въ Финикіи подобная честь отдавалась *кипарису*; въ древней Скандинавіи, а именно въ южной Швеціи—*тиссовому дереву* наравнѣ съ другими деревьями, каковы: дубъ, ясень (—Yggdrasil въ Эддѣ), сосна, букъ и орѣховое дерево *, въ которыя входили духи и которымъ сѣверные жители Европы и германскія племена въ особенности приписывали чудесную силу (см. J. Grimm, Deutsche Mythologie, II Band. cap. XXI, p. 617—619;—Les études et les découvertes archéologiques dans le Nord, A. Geffroy, Revue des deux mondes, novembre 1862, pp. 154—176;—Die Ssabier und der Ssabismus, B. II, p. 223—225, not. 241). Вѣроятно и деревья: *соси* и *барти*, бывшія за 2000 лѣтъ до Р. Х. въ большомъ уваженіи и у древнихъ Армянъ, первоначально служили

* Плиній говоритъ (см. его Hist. Natur. lib. xii, 2), что *дубъ* былъ посвященъ Юпитеру, *лавръ* — Аполлону, *олива* — Минервѣ, *миртъ*—Венерѣ, а *тополь*—Геркулесу, и что «деревья вообще служили божествамъ храмами».

видимымъ выраженіемъ идей высшаго порядка. За недостаточностью дошедшихъ объ этихъ деревьяхъ свѣдѣній онѣ утратили для насъ смыслъ священнаго своего значенія. Поэтому мы и ограничиваемся здѣсь указаніемъ на одни только факты.

VIII.

Выше мы имѣли случай обратить вниманіе читателя на поклоненіе въ древней Арменіи Михр'у—«богу невидимаго огня» (—*хур*, Հուր), видимымъ выраженіемъ котораго служилъ вещественный огонь (—*крак*, Կրակ). Мы видѣли также, что «этому вещественному огню» (—*огню-сестрѣ*, Կրակ քոյր), поклонялись почти во всей Великой Арменіи. Судя по остаткамъ языческихъ обрядовъ, упорно уцѣлѣвшихъ до сей поры между нынѣшними персидскими Армянами, можно навѣрное заключить, что эти обряды соблюдались у нихъ и во времена язычества: я разумѣю между прочимъ *религіозную пляску, совершаемую вокругъ зажженнаго огня* и теперь. Это дѣлается обыкновенно въ праздникъ Срѣтенія Господня: во время вечерней службы на церковномъ дворѣ воздвигается костеръ изъ легкосгараемаго топлива и преимущественно изъ терновника; костру придается пирамидальный видъ; его обыкновенно убираютъ дико-растущими плодами и въ особенности *п'ешат*омъ, փշատ, въ родѣ кизила. Молодыя дѣвицы и вновь вышедшія замужъ женщины составляютъ около него хороводъ. Когда одинъ изъ юношей, густою толпою обступившихъ хороводъ, подложетъ подъ костеръ огонь, хороводъ тихо и торжественно начинаетъ кружиться около зажженнаго

огня. По мѣрѣ того какъ пламя болѣе и болѣе охватываетъ костеръ, хороводъ сильнѣе продолжаетъ кружиться, усиливая мѣрное, но слабое въ началѣ топаніе ногами. Эта пляска продолжается до тѣхъ поръ, пока пламя значительно не спадетъ; тогда хороводъ разступается, на сцену выступаютъ молодые люди только что женившіеся, женихи и вообще юноши и начинаютъ перепрыгивать черезъ костеръ съ необыкновенной легкостью. Подъ конецъ, когда пламя совсѣмъ утихаетъ, тотъ же процессъ совершаютъ только что вышедшія замужъ женщины, которыя впрочемъ быстро пробѣгаютъ мимо почти что угаснаго костра. Вся эта церемонія обыкновенно продолжается, какъ мы сказали, во время вечерни, послѣ которой расходятся по домамъ.

Что это обыкновеніе имѣетъ свое начало въ глубокой языческой древности, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но какую именно мысль выражали языческіе Армяне въ этой религіозной пляскѣ, мы не хотимъ и не беремся опредѣлить по догадкамъ. Вѣрно одно, что пламени огня придавалось очистительное свойство; и потому перепрыгивающіе черезъ него получали это очищеніе. Какъ нѣкогда пророкъ Моисей предостерегалъ израильскій народъ отъ подобныхъ языческихъ обрядовъ *, точно также и церковь христіанская на Востокѣ не разъ возставала противъ остатковъ язычества въ ея паствѣ. Не смотря на то, языческія обыкновенія, какъ могъ видѣть читатель, продолжаютъ свое существованіе и до нашего времени. Впрочемъ и на противоположномъ Западѣ духовенство не мало боролось съ по-

* Второзакон. гл. XVIII, 9—10: «Да не обрящется въ тебѣ *очищая* сына своего и дщерь свою *огнемъ*».

добными же суевѣріями. Въ Ирландіи находимъ языческіе обряды, которые до сихъ поръ существуютъ между персидскими Армянами и которые вынесены Ирландцами, вѣроятно, изъ первобытнаго своего отечества. Здѣсь старики еще недавно, вращаясь около огня, читали молитву; пускавшійся въ дальнее путешествіе трижды черезъ костеръ перепрыгивалъ въ обратномъ смыслѣ; такимъ же способомъ очищались передъ вступленіемъ въ бракъ и сообщали себѣ неуязвимость передъ отправленіемъ на войну; когда пламя начинало ослабѣвать, выступали дѣвушки, которыя, переходя черезъ него, выражали завѣтное задушевное желаніе имѣть хорошихъ жениховъ и т. п. (см. приведен. выше статью Geffroy). Подобные же обряды существуютъ до сихъ поръ и на европейскомъ сѣверѣ у Славянъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ. Въ праздникъ Купалы наканунѣ Иванова дня, т. е. 23 Іюня, и у нихъ, какъ извѣстно, зажигаютъ костры и перепрыгиваютъ черезъ нихъ. И здѣсь, какъ на западѣ Европы и въ Арменіи, прыганію черезъ зажженные костры приписывалась очистительная сила, такъ какъ языческіе Славяне вѣровали, что огонь предохраняетъ отъ заразы и болѣзней.

IX.

Храмы, въ которыхъ древніе Армяне поклонялись богамъ, назывались **мехьян**'ами, *Մեհեան*. Ученые еще не высказались относительно происхожденія этого слова. На нашъ взглядъ, оно въ непосредственной связи съ именемъ бога *Михр*, которое и служитъ ему корнемъ. Первоначальная форма его вѣроятно было *михрьян*, или

мехрьян, *միհրեան* или *մեհրեան*. Если наше предположеніе можетъ быть допущено, въ такомъ случаѣ *мехьян* значило: «мѣсто поклоненія Михру».—Желательно, чтобы знатоки древне-армянскаго языка обратили вниманіе на предложенное здѣсь толкованіе.

Въ связи съ *мехьян*'омъ встрѣчаемъ у древнихъ армянскихъ писателей и слово **багин**, *բագին*, которое до сихъ поръ вкось и вкривь толкуется учеными Армянами, разумѣющими подъ нимъ иногда *храмъ*, иногда *алтарь*. Такое колебаніе въ толкованіи обличаетъ въ нихъ отсутствіе яснаго представленія о словѣ *багин*. Внимательное изученіе тѣхъ мѣстъ Агаѳангела и Моисея хоренскаго, гдѣ у нихъ употреблено это слово, приводитъ насъ къ заключенію, что эти писатели смотрѣли на *мехьян* и *багин* не какъ на слова, выражающія тождественныя понятія, но какъ на выраженіе отдѣльныхъ представленій. Вездѣ, гдѣ у нихъ употребляется слово *багин*, *բագին*, ясно видно, что они подъ нимъ разумѣютъ: *жертвенникъ богу воздвигнутый*, на которомъ совершались закланія и на который клались жертвенные дары (см. армянскій текстъ Агаѳ. стр. 29—30; 45—46; 586; 586; 602—603.—Моис. хорен. кн. II, гл. 18; 40; 66; 77.—Фаустъ визан. кн. III, гл. 14, стр. 37, 38).

При одномъ *мехьян*'ѣ было *нѣсколько багин*'овъ (см. тамже), что служитъ новымъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія, а именно, что *багин* значило *жертвенникъ*, и ничего болѣе.

Корень этого слова *баг* (древне-парсійское *бага*), встрѣчающійся въ армянскомъ языкѣ преимущественно въ именахъ собственныхъ (*Баг* – аран, *բ-գ-արան*; *Баг*-аван, *բ-գ-աւան*; *Баг*-аринж, *բ-գ-ա-ռինջ*; *Баг*-н-айр, *բ-գ-ն-այր*),

значитъ *богъ*; и потому *баг-ин* значитъ: «жертвенникъ, воздвигнутый богу» или *въ самомъ* храмѣ передъ изображеніемъ божества (Моис. хорен. кн. II, гл. 77), или *передъ* храмомъ, извѣстному богу посвященнымъ (кн. II, гл. 14), или же независимо отъ этихъ условій, отдѣльно, какъ напр., надъ могилой великаго жреца (кн. II, гл. 66).

Опредѣливъ значеніе слова: *багин*, скажемъ мимоходомъ, что корень его—*баг* или *бага*, представляется также въ древне-парсійскихъ именахъ и преимущественно въ собственныхъ, каковы: *Баг*еус, *Баг*анатес, *Баг*асакес, *Баг*оас, *Баг*афанес, Ма*бог* (—Maha bag), и пр.

Такимъ образомъ слова: *мехьян* и *багин*, указывая намъ на зендское свое происхожденіе, въ тоже время даютъ возможность предполагать, что религія Армянъ въ древнѣйшую эпоху, безъ сомнѣнія, имѣла съ религіей Парсовъ *одинъ общій источникъ*.

X.

Священные города, деревни и селенія, въ которыхъ находились храмы и стояли жертвенники, по указаніямъ Зеноба Глака, Агаѳангела, Фауста византійскаго и Моисея хоренскаго, были слѣдующіе:

1. **Армавиръ**;—М. хор. кн. I, гл. 20; кн. II, гл. 12, 77.
2. **Арташатъ**; — Агаѳ. стр. 580. — Моис. хор. кн. II, гл. 49.
3. **Багаранъ**;—Моис. хорен. кн. II. гл. 40, 49.
4. **Гора Карке**;—Зенобъ Глакъ, стр. 36.—Фаустъ виз. кн. III, гл. 14. стр. 38; кн. V. гл. 25; стр. 218—219.

5. **Крѣпость Ани**; —Агаѳ. стр. 586. —Моис. хорен. кн. II, гл. 12, 14, 53.
6. **Мецбинъ** } Моис. хорен. кн. II, гл. 27.
7. **Едесса** }
8. **Аштишатъ**;—Зенобъ Глакъ, стр. 25, 29, 36.— Агаѳ. стр. 603.–М. хорен. кн. II, гл. 12.
9. **Багаванъ**; —Агаѳ. стр. 608. —М. хорен. кн. II, гл. 66, 77.
10. **Торданъ**; —Агаѳ. 585. —М. хорен. кн. II, гл. 14.
11. **Тилъ**; —Агаѳ. стр. 587. —М. хорен. кн. II, гл. 14.
12. **Ериза** или **Ерезъ**; — Агаѳ. стр. 45, 587. — М. хорен. кн. II, гл. 14.
13. **Багаринджъ**; — Агаѳ. стр. 590. — М. хорен. кн. II, гл. 14.

По вышеприведеннымъ писателямъ, въ упомянутыхъ тринадцати священныхъ или жреческихъ городахъ и селеніяхъ древніе Армяне поклонялись своимъ богамъ и совершали жертвоприношенія. Помимо ихъ географія древней Арменіи представляетъ и другіе города, названія которыхъ указываютъ на жреческое ихъ происхожденіе. Въ нихъ, вѣроятно, нѣкогда возвышались изображенія божествъ, о которыхъ не позаботились оставить свѣдѣнія армянскіе историки, таковы между прочимъ: *Бага*рчодаштъ, *Бага*йрь, *Ба*гревандъ и пр.

XI.

При храмахъ были жрецы и жрицы, называвшіеся у Армянъ **к'урм**, քուրմ, и **к'ермухи**, քրմուհի * — слова, происхожденіе и значеніе которыхъ еще не объяснены.

О происхожденіи сословія *к'урмовъ*—*к'ермутьюн*, քրմութիւն, армянскіе историки положительно ничего не говорятъ. Если вѣрить Мар–Абасу, то вѣроятно первымъ жрецомъ былъ Араманіакъ, сынъ Хайка, жившій за 2026 лѣтъ до Р. Х. и насадившій первую «священную рощу серебристыхъ тополей»; потомъ Анушаванъ, жившій за 1725 л. до Р. Х. и прозванный *Сосаневер*, Սոսանուէր потому, что былъ посвященъ въ таинства культа, совершавшагося въ упомянутой рощѣ (Моис. хорен. кн. I, гл. XX;—и стр. 57—58 этого Очерка); наконецъ потомки Вахагн'а (см. выше стр. 53—55), жившаго за 520 л. до Р. Х. (М. хорен. кн. I, гл. XXXI), которые послѣ причисленія отца ихъ къ сонму боговъ получили преемственное право на *к'ермутьюн*, т. е. на «достоинство великаго жреца» въ Арменіи. Вахаршакъ за 150 л. до Р. Х. утверждаетъ за родомъ Вахагн'а главное начальство надъ жрецами и жреческимъ сословіемъ (М. хорен. кн. II, гл. VIII), называя его *Вахнуник'ъ*, Վահունիք: имя, которое потомки Вахагн'а удержали за собою до 89 года по Р. Х., ког-

* Хотя самое слово «кёрмухи» и указываетъ уже на существованіе *жрицъ* въ древней Арменіи, но не смотря на это, по какому-то странному стеченію обстоятельство, въ армянскихъ извѣстіяхъ рѣшительно нигдѣ не встрѣчается прямаго указанія на нихъ, ни же на роль, какую онѣ тутъ играли. Единственное указаніе на *жрицъ* при храмахъ армянскихъ находимъ у Страбона, и то сдѣланное послѣднимъ вскользь. См. у него кн. XI, гл. XIX.

да Тигранъ II лишилъ ихъ жреческаго достоинства, сохранившагося въ ихъ родѣ слишкомъ 600 лѣтъ (М. Хорен. кн. II, гл. 14).

Изъ этого видно, что достоинство великаго жреца, или **к'ермапета**, *քրմապետ*, *գլխաւոր քուրմ*, въ періодѣ Хайкидовъ постоянно оставалось между членами царскаго дома. Тоже самое замѣчаемъ и во время владычества Аршакидовъ въ Арменіи: царь Еруандъ, вступившій на престолъ въ 58 г. по Р. Х., назначаетъ брата своего, Еруаза, *к'ермапет*омъ въ Багаранѣ (М. хорен. кн. II, гл. 40); Арташесъ III, воцарившійся въ 78 г. по Р. Х., сына своего Мажана ставитъ *к'ермапет*омъ въ Ани при храмѣ Арамазда (М. хорен. кн. II, гл. 53, 66) *.

Сословіе жрецовъ въ Арменіи находилось въ нѣкоторомъ вассальномъ отношеніи къ царю, по крайней мѣрѣ такъ это было въ періодѣ Аршакидовъ; ибо «Вах'аршакъ, говоритъ историкъ, оказалъ большія почести потомкамъ Вахагн'а, поручилъ имъ главное начальство надъ жречествомъ, причислилъ ихъ къ *первымъ нахарарскимъ родамъ*, назвавъ ихъ *Вахуник'ъ*» (М. хор. кн. II; гл. VIII.). Въ слѣдствіе этого жречество составляло въ Арменіи какъ бы государство въ государствѣ. Оно имѣло *свое войско*: *զօրք քրմաց* (см. Зеноб. Глакъ, Ист. Таронс. Провинц.

* Послѣ побѣды, одержанной Парѳянами надъ римскими легіонами, надъ которыми начальствовалъ Петъ, Вологезъ царь парѳянскій, отправляя въ Римъ пословъ съ письмами къ Нерону, между прочимъ пишетъ, что свергнутый съ армянскаго престола братъ его, Тиридатъ, не отказался бы пріѣхать въ Римъ принять діадему, *если бы его не удерживали обязанности жреческой должности* (Tacit. Annal. lib. xv, 24 — «nec recusaturum Tiridaten accipiendo diademati, in Urbem venire, *nisi sacerdotii religione attineretur*.» Стало быть, какъ въ Арменіи, такъ и въ Парѳіи цари-аршакиды нерѣдко бывали *верховными жрецами*.

Венеція, 1832. стр. 28), которое было расположено въ *жреческихъ земляхъ,»* Երկիր քրմաց (Зенобъ Глакъ, стр. 37). Въ случаѣ войны войско это стягивалось и при трубномъ звукѣ (Зенобъ Глакъ, стр. 25), имѣя во главѣ жрецовъ или *к°ерманетовъ,* выступало на врага. Подобныя войны конечно всегда имѣли, какъ и слѣдуетъ полагать, характеръ религіозный. Стоитъ только вспомнить жестокія войны, которыя выдержали царь Тѐрдатъ, князья и нахарары армянскіе во время введенія христіанскаго ученія Григоріемъ Просвѣтителемъ; о нихъ говорятъ современники—Зенобъ Глакъ и Агаѳангелъ: одинъ—ученикъ св. Григорія, другой—секретарь армянскаго царя. Но чтобы имѣть нѣкоторое понятіе вообще о владѣніяхъ жрецовъ, о числѣ людей поселенныхъ на ихъ земляхъ и о ихъ войскѣ, стоитъ обратить вниманіе на слѣдующій любопытный отрывокъ, въ которомъ писатель начала IV вѣка говоритъ о владѣніяхъ жрецовъ-служителей индійскихъ божествъ въ таронской провинціи. Это были селенія: «Куарсъ, гдѣ находилось 3012 дымовъ и 150 всадниковъ; Тумъ съ 900 дымовъ и 400 всадниковъ; Хорни, заключающій въ себѣ 1906 дымовъ, 700 всадниковъ и 1007 человѣкъ пѣхоты; Брехъ, имѣющій 1680 дымовъ, 1030 всадниковъ и 400 человѣкъ пѣхоты; Кетехкъ съ 1600 дымовъ, 800 всадниковъ и съ 600 человѣкъ пѣхоты; Базу, который имѣетъ 3200 дымовъ, 1040 всадниковъ, 840 человѣкъ пѣхоты вооруженной луками, 680 вооруженныхъ копьями и 200 пращниковъ. (Къ тому же) весь округъ хаштіанк'скій (въ Четвертой Арменіи) служилъ пастбищемъ, по которому паслись ихъ стада. Всѣ эти большія селенія съ самаго начала были отданы на служеніе идоловъ князьями (армянскими), которые теперь

(т. е. во время Григорія Просвѣтителя) укрѣпили ихъ за церковью на 32 года» (см. Зенобъ Глакъ, стр. 20—39). Любопытный отрывокъ этотъ предлагаетъ намъ драгоцѣнныя статистическія данныя о состояніи жречества и языческихъ храмовъ въ древней Арменіи. Изъ него узнаемъ, что одинъ храмъ индійскихъ божествъ и ихъ служители владѣли въ таронской провинціи шестью огромными деревнями, въ которыхъ было 12,298 дымовъ; что они имѣли право пасти свои стада на настбищахъ хаштіанк'скаго округа, лежавшаго на юго-западѣ отъ Тарона, и что у нихъ было въ распоряженіи 7847 человѣкъ войска.

Жрецамъ изъ рода Вахагн'а, т. е. Вахнуник'амъ, принадлежалъ Аштишатъ, въ таронской же провинціи, съ обширными прилежавшими къ нему землями, Аштишатъ, въ которомъ возвышались храмы Вахагн'а, *վահէվահեան մե-հեան*, и богинь: Анахитъ и Астх'икъ.

Какими сокровищами владѣли вообще жрецы и великіе жрецы въ особенности, объ этомъ можно составить себѣ понятіе по одному извѣстію, оставленному намъ Моисеемъ хоренскимъ: когда Сёмбатъ военачальникъ Арташеса III, послѣ побѣды надъ Еруандомъ, вступивъ въ Багаранъ, убилъ великаго жреца Еруаза и, захвативъ его сокровища, представилъ ихъ къ царю; тогда послѣдній приказалъ отвезти ихъ въ даръ парсійскому царю Дареху, помогавшему Арташесу въ войнѣ съ Еруандомъ (кн. II, гл. 48). Можно судить о цѣнности и великолѣпіи этихъ сокровищъ, если ихъ находятъ достойными одного изъ великихъ государей западной Азіи! У того же Еруаза собственныя его зе́мли были населены принадлежавшими ему людьми, которыхъ Арташесъ III подарилъ своему полководцу, Сёмбату (тамъ же).

Жречество въ Арменіи было *хранителемъ таинственной языческой мудрости*, которую оно передавало своимъ адептамъ въ школахъ, составлявшихъ всегдашнюю неотъемлемую принадлежность храмовъ (Агаѳ. стр. 580. —Моис. хорен. кн. II, гл. 27).

Сословіе жрецовъ, какъ классъ людей преимущественно образованныхъ и посвященныхъ въ тайны государственной жизни своего отечества, имѣло за собою исключительную привиллегію писать *исторію*, или вѣрнѣе сказать *вести анналы*, въ которые оно по днямъ, недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ записывало событія, относившіяся какъ къ собственной жреческой, такъ и политической жизни страны. Такіе анналы извѣстны были въ древней Арменіи подъ общимъ наименованіемъ *мехенакан патмутюн*, *մեհենական պատմութիւն*, т. е. «Храмовой Исторіи». Моисей хоренскій сохранилъ для насъ имя одного изъ этихъ жрецовъ-анналистовъ, я разумѣю аніійскаго жреца, *Ухъюпа*, *Ողիւպ*, жившаго во второй половинѣ I столѣтія нашей эры, произведеніемъ котораго, какъ видно, пользовался отецъ армянской исторіи (кн. II. гл. 48).

Въ слѣдствіе этого-то условія, при храмахъ находились *архивы*, о цѣлости и сохранности которыхъ тщательно заботились не только жрецы, но и цари (М. хорен. кн. II, гл. 27). Какъ видно, главное хранилище архивовъ и памятниковъ Храмовой Исторіи находилось при храмѣ Арамазда, въ крѣпости Ани; ибо здѣсь знаменитый гностикъ Бардатцанъ (Бардезанъ), около половины II столѣтія по Р. Х., послѣ тщетной попытки найдти себѣ послѣдователей въ Арменіи, занялся изученіемъ религіозныхъ и историческихъ памятниковъ и написалъ въ высшей

степени, какъ должно полагать, интересныя два сочиненія, къ сожалѣнію, недошедшихъ до насъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ трактовалъ о «Судьбѣ и культѣ идоловъ», а въ другомъ описывалъ дѣянія армянскихъ царей (М. хорен. кн. II, гл. 66).—

Если бы, за недостаткомъ туземныхъ памятниковъ, уцѣлѣлъ для насъ по крайней мѣрѣ первый изъ этихъ трудовъ знаменитаго гностика, мы бы имѣли теперь болѣе цѣльное и связное понятіе о религіи древнихъ Армянъ; но такъ какъ въ этомъ отказало намъ время, въ неудержимомъ своемъ теченіи безвозвратно унесшее эти драгоцѣнные памятники вѣроученія языческой Арменіи, то ограничимся здѣсь тѣми немногими загадочно-отрывочными извѣстіями армянскихъ писателей, по которымъ мы составили предлагаемый Очеркъ. Успѣли ль мы бросить на этотъ темный, но интересный вопросъ свѣтъ, сколько-нибудь его освѣщающій—объ этомъ предоставляемъ судить ученымъ спеціалистамъ.

Для полноты нашего Очерка замѣтимъ кстати, что въ клинообразныхъ надписяхъ Вана ученые читаютъ имя какого-то армянскаго божества, называвшагося *Haldia*. Въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ армянскихъ писателей о религіи языческихъ Армянъ ничего о немъ не упоминается. Не смотря на то, въ большой надписи Хорсабадскаго дворца, недавно изданной (см. Journal asiatique, janvier-février 1863, Grande inscription du palais de Khorsabad, publiée et commentée par M. N. Jules Oppert et Joachim Ménant, p. 14—15) также встрѣчается имя божества *Haldia*. Надпись

гласитъ, что это былъ богъ армянскаго царя Урсы—Ursa—взятый и уведенный, какъ военная добыча, ассирійскимъ царемъ Саргономъ (*Арнъ* славянскаго, — см. прор. Исаія, гл. XX, — и *Аранъ* армянскаго переводовъ Библіи), который былъ современникомъ пророка Исаіи (726 л. до Р. Х.). Въ это время царствовалъ въ Арменіи Паруйръ, изъ династіи Хайка—748 — 700.—Если чтеніе *Ursa* или Urza вѣрно, то это долженъ быть Паруйръ. См. также G. Rawlinson'a On the Chronology and history of the great assyrian empire, in The History of Herodotus, vol. I, Essay VII, p. 473.

ПОГРѢШНОСТИ:

На 10 страницѣ, строка 11, стоитъ: *о реленіи* вмѣсто—о религіи.

На 25 страницѣ, 1-е примѣчаніе, строка 3, стоитъ: *въ текстъ ими изданный* вмѣсто—въ текстъ, ими изданный.

На страницѣ 39, строка 17, стоитъ: *метамарфозъ* вмѣсто—метаморфозъ.

На страницѣ 46, строка 16, стоитъ: *нижная* вмѣсто—нижняя.

2007237571